

Дочь воина, или Кадеты не сдаются

Автор:

Елена Звёздная

Дочь воина, или Кадеты не сдаются

Елена Звёздная

Космическое настроениеКосмос, юмор и немного любвиПраво сильнейшего #1

Лучшее учебное заведение, блестящее будущее, и ты наслаждаешься жизнью, полной головокружительных приключений: нелегальные гонки, букмекерские ставки, отчаянные самоволки и фальшивые удостоверения. Но что делать, если вдруг выясняется, что ты принцесса Иристана, а твой отец прибыл забрать тебя на родную планету и хочет выдать замуж за сильнейшего из своих воинов?

Прирожденный мастер по проделкам, подставам и незаконным видам коммерческой деятельности кадет Киран МакВаррас искренне посочувствовала исторической родине. В конце концов, что такое право сильнейшего и знания симбионтов Иристана против природной вредности и запредельной находчивости кадетов первого курса Космического университета?

Елена Звездная

Дочь воина, или Кадеты не сдаются

История первая, похмельная

Этот день с самого утра как-то не задался. Для начала мы с подружкой Микой благополучно не сдали зачет, а после с горя напились в зюзю. Причем это была нехорошая зюзя, та самая зюзя, про которую на второй день вспоминать очень и

очень стыдно.

И вот мы, две абсолютно пьяные и хихикающие первокурсницы, ввалились в квартиру старшего брата Микаэлла, потому как в общагу в таком состоянии глупо было бы вваливаться. К тому же Мика клятвенно заверила: «Эда нет в городе, они на полевой практике, вернутся в конце недели». И я поверила! А потому мы, хихикая, начали раздеваться еще в прихожей, после чего я, пошатываясь, пошла в ванную, а Мика вроде как отправилась искать для меня полотенце в резиденции своего старшенького.

И все бы ничего, и я даже сумела включить душ раза с пятого, и даже начала мыться, как вдруг где-то совсем рядом прозвучало:

– Бракованный навигатор, последний раз, когда я видел эту грудь, она была значительно меньше.

Медленно сползая вниз по стеклянной стеночке, я попыталась сфокусировать взгляд на родном и единственном брате Микаэлла. Взгляд фокусировался с трудом, и причина оказалась не столько в зюзе, сколько в том, что Эдвард Дрейг был великолепен. Он вообще во всем был великолепен, но в одних спортивных брюках и с голым торсом представлял собой совсем уж потрясающую картину. Высокий, широкоплечий, с узкой талией и пусть не внушительной, но весьма выразительной мускулатурой. А еще у Эда загорелая, почти бронзовая кожа, белоснежная улыбка, выгоревшие и от того светлые волосы и невероятные голубые глаза... Стоит ли говорить – я с одиннадцати лет в него почти влюблена. С тех самых пор, как впервые увидела на дне рождения Мики. А в двенадцать, краснеющая, смущенная и дрожащая от осознания своей смелости, я призналась ему в любви... ввалившись ночью в его спальню. К слову, он был там не один. Но вывел меня в коридор, присел на корточки, очень внимательно выслушал и заверил: «Малыш, давай сделаем так – я все слышал и все понял, и мы обязательно вернемся к этому разговору, но лет так через... шесть. Идет?» Кстати – мне только на прошлой неделе восемнадцать исполнилось.

В двери постучали.

Эд, не отрывая взгляда от меня, протянул руку и придержал дверь, не позволяя посетителю войти.

– Сюда нельзя, – чуть повысив голос, произнес он. Потом бесстыже усмехнулся и пояснил: – Тут моя девочка душ принимает.

За дверью слышалось недовольное:

– Кто?! Мика что, не одна сюда пьяная ввалилась?

– Неа, – Эдвард все так же продолжал меня разглядывать, – с подругой.

– Да? – мужской голос за дверью приобрел нотки заинтересованности. – И что, вторая тоже совершенно пьяная?

– Ага. – Улыбка Микиного брата стала откровенно фривольной.

– Судя по многословности твоих ответов, она еще и совершенно голая.

На это Эд не ответил, но, многозначительно хмыкнув, запер дверь в ванную.

Стремительно трезвеющая, я в ужасе смотрела на героя своих детских фантазий, который, судя по потемневшему взгляду, собирался реализовывать уже весьма взрослые фантазии. Медленно, неторопливо как-то, Эдвард подошел ко мне и... протянул руку.

– Сама встать сможешь? – сдерживая улыбку, спросил он.

Как замороженная, продолжаю испуганно смотреть на Эда, пытаюсь прикрыться руками.

– Кир, – он широко улыбнулся, – Киран, все, что я хотел, я уже увидел, серьезно. Я же тут минут десять стоял, прежде чем смог хоть слово вымолвить.

Несмотря на пары алкоголя, начинаю стремительно краснеть.

– Малыш, – он осторожно взял меня за руку, потянул вверх, заставляя встать. И едва я выпрямилась, придержал за талию, так как ноги мои, кажется, решили взять тайм-аут. – Все-все, держу. Теперь давай-ка мы тебя умоем, а то реснички

на щечках давно, а помада на подбородке. Кстати, головку мыть будем?

От стыда я вовсе зажмурилась, не в силах сказать хоть что-то.

– Ладно, – его ласковые губы легко и осторожно коснулись моих, – будем мыть тебя всю.

И вода тут же стала теплее.

Все остальное показалось странным нереальным сном, в котором меня аккуратно и заботливо мыли, едва касаясь интимных мест, зато осыпая поцелуями плечи, спину, волосы... И в какой-то момент я просто отключилась, то ли под воздействием алкоголя, то ли от того, что шампунь с волос уже смыли и меня уговаривали открыть глазки.

* * *

– Кир, я умираю... – простонал хриплый Микин голос.

Учитывая, что ее стон вырвал меня из дивного сна, в котором я предавалась гигиеническим процедурам в компании ее же старшего брата, единственным ответом на реплику Мики была брошенная в нее подушка.

– Промазала, – меланхолично ответила подруга, давно привыкшая к моим утренним упражнениям в артиллерийском искусстве.

Неудача была огорчительна, но не до такой степени, чтобы просыпаться. Решительно повернувшись на другой бок, я закрыла глаза, надеясь, что сон с эротическим уклоном сжалится и вернется.

Но сон не вернулся. Даже когда, постанывая и проклиная вчерашний двенадцатый коктейль, явно бывший лишним, встала Мика и вышла из комнаты. Более того, как раз когда она вышла, мне вдруг стало очень нехорошо... Потому что дверь в нашей комнате противно так скрипит, а сейчас скрипа не было!

И это могло означать только одно – мы не в общежитии!

Дальше хуже. Тихий звук шагов, рядом с моей постелью кто-то присел, после чего майку с моего плеча чуть потянули вниз, стягивая ткань, и губы, которые так бессовестно мне снились всю ночь, стали осторожно поцеловывать, а после раздался голос Эда:

– Малыш, ты как? Голова не болит? Кофе будешь?

События вчерашнего вечера начали обретать ясность, неся невероятное осознание – кажется, эротический сон был совсем не сном. Это подтвердил и веселый смех, а затем ласковое:

– Киран, ты не спишь – когда спят, не краснеют от смущения. Вставай, я один в квартире, так что можешь в футболке ходить. Кстати, голова не болит?

– Нет... – простонала я, этой самой головой уткнувшись в простынь.

– Вот и хорошо, – меня погладили по спине, – поднимайся, поздно уже.

И он ушел.

– Ой, мама... – простонала я, чувствуя, как начинаю сгорать от стыда.

С ужасом вспоминаю, что там, в ванной на полу, остались лежать мои чулки, трусики и бюстгальтер заодно... Какой кошмар!

– Кир, ты встаешь? – раздался вопль Мики откуда-то из глубины этой далеко не маленькой квартиры.

– Нет, – буркнула я, оставаясь лежать.

Заниматься самоедством мне времени не предоставили. Заявилась Микаэлла, стащила с меня одеяло, а после начала жаловаться:

– Кир, ну Кир, ну вставай, а то он меня убьет же.

– Кто он? – упрямо продолжаю закрывать лицо руками.

– Эдвард, – с горестным стоном Мика присела на кровать. – Они тут вчера были – Эд, Вик и еще какие-то с их выпускного курса, я их не знаю. А тут мы ввалились, ты хоть в ванную пошла, а я так, раздеваясь, и потопала на кухню, а они там... все.

Мучительно напрягая память, попыталась вспомнить, до какой степени успела раздеться Мика... вспомнила, что юбка с нее сползла еще в прихожей.

Вскинув голову, посмотрела на расстроенную подругу. Микаэлла ответила мне полным раскаяния взглядом, после чего шепотом поведала:

– Они сначала опешили, а потом Эд подскочил, в секунду стянул с себя майку, а в следующую секунду надел на меня...

Мне было жаль Мику. Очень жаль, но даже сочувствие не помешало тихо захихикать, представив себе эту картину! То-то он в ванную в одних брюках ввалился!

– Ей смешно, – возмутилась подруга, но тоже начала смеяться. Потом поделилась подробностями: – Хорошо, что я лиф успела только расстегнуть, но еще не сняла. Но чулки, подвязки и наши черные с кружевом трусики...

– Бедные мужики, – простонала я, продолжая прилагать титанические усилия, чтобы смеяться не очень громко. – Сколько их было?

– Человек десять. – Мика вдруг улыбнулась. – А знаешь, Эд почему-то не очень злой, я думала, будет хуже.

Вот об Эдварде я как раз старалась не думать. Так стыдно мне еще никогда не было.

– Пошли завтракать. – Мика поднялась, потащила меня за руку. – Пошли, я одна туда идти боюсь.

– Мне и с тобой туда идти страшно, – призналась я. – Может, мы по-тихому оденемся и назад в общагу, а?

– Хорошая идея, но кто ж меня без чтения нотаций отпустит? – Микаэлла горестно взглянула на двери. – Кир, идем...

Упрямо и отрицательно машу головой. Чего-чего, а видеть Эдварда нет никакого желания.

– Ну пожа-а-алу-у-уйста, – взмолилась подруга, и ее голубые глазки стали такие умоляющие.

На меня это всегда действует, чем Мика беззастенчиво пользуется.

Пришлось вставать и топтать вслед за ней, больше всего мечтая провалиться хоть куда-то. Белья на мне никакого не имелось, зато майка доходила почти до колен, но это не мешало рефлекторно пытаться натянуть ее еще ниже.

Квартира у Эдварда Дрейга была огромная – четыре спальни, две ваннные комнаты, причем вторая располагала джакузи величиной с маленький бассейн, большая гостиная и кухня, совмещенная со столовой. Я здесь оказалась второй раз в жизни, в первый – это когда мы с Микой в четырнадцать приезжали в столицу на концерт супермодной группы и Эд был нашей нянькой на сутки. Кстати, тогда, насколько я помню, тут обреталась...

– Доброе утро, девочки, – радостно поприветствовала нас та самая домработница. – Ох, как же вы выросли!

И пока мы смущенно отвечали про учебу и планы на будущее, из кухни слышалось:

– Мика, Кира, живо завтракать!

Пришлось плестись на кухню с видом обреченных на казнь.

Не поднимая головы и глядя на пол с энтузиазмом почитателя собственных пальцев, я прошла к столу, так же и села, продолжая изучать мраморный рисунок перед собственным носом. Мика, старательно разделявшая мой интерес

к любованию полом, тоже молча села рядом.

– Вопрос номер один, – перед каждой из нас осторожно поставили по чашке с кофе, – где вы пили?

Переглядываемся с Микой, но упорно молчим.

– У вас два варианта – либо говорите сами, либо я проверяю, в каком заведении с ваших карточек вчера списали деньги.

Мы с Микусей снова переглянулись, вот чего-чего, а давать Эду доступ к нашим карточкам мы не собирались – как бы деньги на них левые, впрочем, как и карточки.

– Бар у причала, – обреченно сдалась Микаэлла, – название я и сама не помню, правда, Эд.

– «Морские сирены», – вспомнила я.

Просто там мы как раз только пивом баловались, а вот пили в другом заведении, куда нас, несовершеннолетних, пустили благодаря поддельным картам авторизации, купленным за две стипендии у местного гения взлома баз данных. Да, пай-девочками мы с Микой никогда не были.

На стол передо мной опустилась тарелка, где радовал взгляд омлет с изюмом и творогом, перед Микой поставили хлопья с апельсиновым соком. Но в отличие от подруги я на завтрак не набрасывалась.

– Не нравится? В детстве ты его любила. – Эд наклонился, взял вилку, подхватил кусочек омлета и поднес к моим губам. – Попробуй.

Одной рукой он держал столовый прибор, второй осторожно обхватил мой подбородок и повернул к себе лицом. Испуганный взгляд совестливого алкоголика начал метаться повсюду, старательно избегая голубых омутов напротив. Зато едва я заметила такие же небесно-голубые глаза Мики, смущенно покраснела, потому как очи подруги увеличились вдвое, демонстрируя крайнюю степень удивления.

– Кира, – ласково позвал Эд, – Киран, перестань смущаться, ничего страшного вчера не произошло.

И тут Мика грохнулась на пол. В буквальном смысле. На этот грохот я отреагировала испуганным вскриком, зато Эдвард спокойным:

– Микаэлла, что касается твоего поведения, мы обсудим его позже! – И опять обратился ко мне, причем снова очень ласково: – Кир, мне долго ждать?

И вот тогда я рискнула взглянуть на Эда. Наши глаза встретились. Он улыбнулся, и взгляд потеплел, после чего мне сообщили сакраментальное:

– Привет.

– Привет, – мгновенно опускаю глазки.

– Мы завтракать будем? – спросил Эдвард.

– Я и сама могу, – буркнула я.

– Не сомневался, – сообщили мне и начали банально кормить с вилочки.

Уже успевшая взгромоздиться на стул Мика грохнулась повторно, глядя, как я послушно съедаю все, чем кормит Эдвард. Но на этот раз мы оба не обратили и малейшего внимания на сей инцидент. Ровно до того момента, пока на тарелке не осталась зияющая пустота...

– Понравилось? – выдохнул Эд, с улыбкой глядя на меня.

– Да... – Правда, вкус омлета я едва ли уловила.

– Кофе, – напомнил Эдвард и выпрямился.

Зазвонил телефон. Подхватив переговорник, Эд стремительно вышел из кухни. Едва он скрылся в дверном проеме, Микаэлла подалась вперед с жадностью оголодавшего удава и прошипела:

– Это что сейчас было?!

Смущенно пожав плечами, я решила, что самое разумное в данной ситуации – сказать следующее:

– Не знаю...

– Что? – Мика чуть ли на стол не взгромоздилась. – Что между вами двумя?! Я же вижу, как он на тебя смотрит!

Подругам врать нехорошо, но тут такое дело, что рассказывать подобное еще более некрасиво, и я соврала:

– Не помню... Ничего не помню...

И все бы ничего, но тут от дверей послышалось:

– Да неужели?

Густо краснея, я попыталась глотнуть кофе. Обожглась, едва не расплескав, почти уронила чашку на стол. Эдвард, стремительный и быстрый, успел подхватить ее, и кофе не пролился на меня же. Но лучше бы пролился, хоть был бы повод сбежать из-под пристального внимания голубоглазой семейки.

– Кир, – Эдвард присел на корточки, и рука его от чашки плавно двинулась к моей руке, – а ты совсем ничего не помнишь?

– Нет. – Но ладонь отдернула.

– Совсем-совсем ничего? – Его голос приобрел низкие вибрирующие нотки.

– Нет!

Я вскочила, стул за моей спиной грохнулся бы, но Эд его перехватил. Хитро улыбаясь, медленно поднялся, вернул стул на место, и все это не отрывая от меня насмешливого взгляда.

– Ну-ну, – загадочно произнес он, и снова оставил нас с Микой наедине.

Мы прислушивались к удаляющимся шагам ровно до тех пор, пока они еще были слышны, а после Микаэлла пошла в наступление:

– Последнее, что я помню, это как ты потребовала принести полотенце!

– Вместо этого ты почему-то пошла на кухню, – напомнила я.

– Пить хотелось. – Мика нахмурилась.

– А что произошло потом?

Подруга покраснела и прошептала:

– Эд в свою майку одел, перекинул через плечо и унес в спальню... И только голова коснулась подушки, я вырубилась... А ты что помнишь?

– Я?.. Эд пришел... майку надел... унес спать... – как бы и не совсем соврала.

Но Мика что-то заподозрила. Взгляд пристальный, на лице хитрющее выражение, и вопрос такой, с подковыкой:

– Ки-и-ир, а ты правда мне все рассказала?

Молча киваю, но, чтобы выглядело достоверно, решила добавить:

– Все что помню...

Мы постояли немного, потом Мика предложила:

– Валим!

– Ты просто читаешь мои мысли!

– Ага, пошли нашу одежду искать.

Одежду мы нашли быстро... все, кроме моего нижнего белья. Правда, я про трусики Мике ничего не сказала, и мы как бы искали только лиф. Даже домработницу приобщили к поискам, но тщетно. Микину одежду нашли всю, а вот мою... и даже чулочков не было!

– Так! – Микаэлла встала посреди коридора. – Я иду искать в гостевой, а ты, Кир, топай в комнату к Эду. Если он тебе свою майку дал, может, ты там переодевалась.

– Сама туда иди! – возмутилась я.

– Мне нельзя, – сокрушенно призналась подруга.

– Это еще почему?

– Там для моей попы весьма травмоопасная ситуация. Топай давай, нам еще в универ надо.

Она исчезла в следующей комнате, а мне пришлось стучаться к Эдварду...

– Эд, можно войти? – Я еще раз постучала в дверь.

Раздался тихий смех и прозвучало спокойное:

– Ну, входи.

И сразу расхотелось мне в поисках утраченного участвовать. Стою перед дверью, вспоминаю вчерашнее и осознаю, что лучше мне так отсюда сматываться.

– Киран, хватит под дверью стоять, у меня твои трусики.

Вот после этих слов я решительно сделала шаг назад и вообще решила тихо-мирно уйти, но... куда ж я пойду в таком одеянии?! Решив делать вид, что я

ничего о вчерашнем не помню, осторожно открыла дверь, снова разглядывая собственные пальчики на ногах, несмело вошла...

– Ки-и-ир. – От этого голоса у меня все внутри дрожать начинало.

За это утро я уже изучила вид своих босых ног во всех подробностях и, стараясь думать о ноготке на маленьком пальчике, который следовало бы получше подкрасить, заикаясь, попросила:

– В-в-верните мне одежду, пожалуйста... вот.

В ответ веселое:

– Двери закрой.

Я закрыла. Едва отпустила ручку, в механизме что-то щелкнуло. Забыв о любовании полом, стремительно развернулась к двери, попыталась открыть и в результате поняла, что...

– Заперто!

– Ага, – с энтузиазмом согласился Эдвард, – я поставил на режим запора изнутри.

– И как открыть? – не поворачиваясь к собеседнику, спросила я.

– Все очень просто, – тихий смех, – нужно вежливо попросить об этом хозяина квартиры.

Развернувшись, взглянула на хозяина квартиры. Едва наши глаза встретились, Эд снова сказал:

– Привет.

Чувствую, как густо краснею, и с разговорами оно как-то опять не получалось.

– Поговорим? – предложил Эдвард и... достал из кармана мои собственные черные ажурные трусики.

А мне казалось, что краснеть уже больше некуда!

– Молчишь? – Невероятно притягательный парень, в синих джинсах и черной облегающей его мускулистой торс майке, с совершенно хулиганским выражением на лице извлек из ящика письменного стола еще и лифчик, а следом даже чулки. И все это горкой сложил, а вот трусики продолжал держать в руке.

Странно и как-то волнующе было видеть свое белье в его ладонях. Я снова покраснела.

– Ки-и-ир, – Эд с улыбкой смотрел на меня, – прекращай смущаться.

Я не смущалась! Я развернулась к двери и начала прилагать остервенелые попытки ее открыть... Звук шагов не услышала, и осознание происходящего пришло, едва руки Эдварда скользнули на талию.

– Киран, – прошептал он, – Кира... Ты мне очень давно нравилась, Кир.

Сердце начало стремительно наращивать темп.

– Малыш, посмотри на меня.

Бедная сердечная мышца, едва взяв разгон, мгновенно затормозила... ощущение, что я слышу скрип шин по асфальту.

– Киран, Пантеренок мой, ты же такая отважная... а сейчас что, боишься?

Кто боится?! Я боюсь?!

Стремительно развернулась в кольцо его рук и разгневанно посмотрела на Эда.

– Попалась, – весело сообщили мне, после чего герой моих детских фантазий стремительно наклонился и завладел моими губами.

Ноги решительно взяли очередной тайм-аут, из-за чего рукам пришлось вцепиться в единственную имеющуюся опору – Эдварда. Сердечная мышца, проклиная собственную хозяйку, снова взяла низкий старт, мысли помчались следом, уносясь куда-то вдаль...

И тут за дверью раздалось недовольное:

– Ки-и-ира, ты где-е?

Эд усмехнулся, не прерывая поцелуя, и прошептал:

– Мелкую посвящать будем? – так как я промолчала, он же и принял решение. – Ладно, пусть пока мучается в неизвестности. Одевайся, малыш.

И меня отпустили, а Эдвард, открыв дверь, вышел в коридор, и вскоре слышался их с Микаэлой разговор на повышенных тонах.

Торопливо подойдя к столу, я забрала вещи и прошмыгнула в нашу с Микой комнату. Там обнаружила, что трусики мне так и не вернули! В итоге, натягивая короткую юбку как можно ниже, дала самой себе зарок больше никогда не появляться на данной жилплощади.

К моменту, когда я была одета, собрана и даже успела подкраситься, услышала, как открылась входная дверь. Потом в квартире снова стало тихо, и уже никто не ругался. Осторожно ступая, вышла в коридор, постояла. Мики слышно не было. Страшась нарваться на Эдварда, я негромко позвала ее... в ответ тишина. Позвала снова, и вновь с тем же успехом.

С тяжелым вздохом расстегиваю босоножки на умопомрачительной шпильке, ибо только в такой обуви мы устремлялись в очередной забег по клубам, и, стараясь ступать бесшумно, иду искать Микаэлу.

И вот иду я, опасливо в комнаты заглядываю, добралась до помещения с тренажерами Эда, осторожно заглядываю и вдруг слышу над ухом:

– Попалась!

Одна рука Эдварда обняла за талию, вторая... вторая оказалась под юбкой.

– Ки-и-ир, – протянул парень, едва я начала гневно вырываться, – домработница уже ушла, а Мика убежала в университет.

– Что?! – Я перехватила его вторую руку, ту самую, что покушалась на самое сокровенное, и, продолжая удерживать ладонь несопротивляющегося Эдварда, к нему развернулась.

Откровенно посмеиваясь, он отодвинул меня от двери, прижал к стене и, нагнувшись так, что мы уже почти целовались, прошептал:

– Ваш зачет... я связался с деканом, вам его поставят. Тебе автоматом, Микаэлле при предоставлении контрольной, которую она, в отличие от тебя, не сдала. У Мики три часа на пересдачу.

И все бы ничего, но его руки...

– Эд... – Я уже с трудом дышала от нахлынувших ощущений.

– Что? – выдохнул он, беря в сладкий плен мои податливые губы.

– Эдвард, пожалуйста, – простонала я, пытаюсь перехватить хоть одну из его не в меру наглых рук. И вроде их всего две, но такое ощущение складывается, что он по меньшей мере шестирукий.

– Что «пожалуйста»? – выдохнул он, медленно опуская ладони на мою талию.

– Отпусти меня, – стон получился каким-то неуверенным.

– «Отпусти»? – Он повторил это за мной, усмехнулся и опустился на колени.

Топик взлетел вверх, обнажая живот, к которому прижались его губы. И это было так трогательно и так... неправильно. Я ведь отчетливо понимала, что он

выставил Мику и домработницу намеренно, а еще кому, как не мне, знать о многочисленных девушках Эдварда Дрейга.

– Все еще отпустить? – посмеиваясь, спросил Эд. – Ты действительно думаешь, что я способен это сделать?

Я в этот момент уже ни о чем не думала. Хотя, конечно, отдаться парню вот так, с первой его попытки – не то, чему мама учила... С другой стороны – остановить его я точно была не в силах.

– Киран, – шептал Эдвард, покрывая поцелуями все, до чего мог из положения на коленях дотянуться, – Кира...

А дотягивался он успешно, и губы его давно целовали бедра, добираясь до края юбки... Но если тут кто-то и был против подобного, то явно не я...

Резкий звонок в двери оборвал мой протяжный стон и стал причиной весьма злого ругательства Эдварда. Но никакой звонок не мог отвлечь нас от столь захватывающего момента, как первое получение совместного удовольствия.

Но тут дверь открылась, послышались уверенные шаги, и на всю квартиру раздался крик:

– Дрейг, у нас вылет через час!

В следующую секунду моя юбка вернулась на приличествующее ей место, топик также, лиф был застегнут, а Эд развернулся к излишне наглому посетителю, прикрыв собой собственно временно невменяемую – меня.

– Э-э-э, ты не один? – насмешливо поинтересовался тот, кого я не видела, находясь за внушительной фигурой Эда.

– Дейм, сваливай на кухню, сделай себе... чаю, – откровенно послал его Эд.

– А может, мне стоит кофе себе заварить? – насмешливо предложил посетитель. – Это займет несколько больше времени.

– Хор-р-рошая идея, – прорычал мой герой.

В ответ – громкий и весьма насмешливый смех и веселое:

– Прости, что-то не хочется. И покажи уже свою зазнобу, любопытно, кого ты там так старательно прячешь.

Дальнейшее повергло меня в шок!

– Ничего особенного, Дейм. Просто... снял девочку на ночь, – спокойно ответил Эдвард.

И дыхание у меня вновь перехватило. На сей раз от обиды, гнева, ярости и непонимания. Но злости было больше.

– М-м-м, – протянул незванный гость, – малышка явно хороша, раз ты не желаешь ее отпускать утром. Из дорогих? Хотя о чем это я, других ты не выбираешь. Я на кухню, у тебя три минуты.

– До вылета час, – прорычал Эд.

– Ты работаешь со мной в паре, – спокойно возразил ему незнакомец, – в моих правилах проверка корабля перед стартом. Три минуты, Дрейг.

И этот самый Дейм неторопливо удалился. А Эдвард медленно повернулся ко мне. Но слова уже были сказаны, и даже его виноватый взгляд ничего не менял.

– Шлюх ищи себе где-нибудь в другом месте! – прошипела взбешенная я.

– Кир... – Эд выглядел растерянным.

А в моих глазах застыли злые слезы.

– Зато теперь я понимаю, почему мы ничего не будем сообщать Микаэлле! – прошипела я и попыталась уйти.

Эдвард попытался задержать, за что и получил – ребром ладони по кадыку и удар кулаком в солнечное сплетение. Меня не только за зеленые глаза и черные волосы называли пантерой – по рукопашной я в группе одна из лучших.

Когда я стремительно уходила из квартиры, Эд хрипел на полу. Но едва подхватила босоножки и открыла двери, услышала насмешливое:

– Неплохо.

Развернувшись, увидела высокого, темноволосого, смуглого «незваного гостя», который потягивал кофе, насмешливо улыбаясь и привалившись плечом к стеночке. В ответ на мой разгневанный взгляд напарник Эда развязно подмигнул, но, к его счастью, ничего не сказал. Или к моему. Станный тип – слишком мускулистый для местного, слишком умный взгляд для такого возраста и слишком уж понимающая ухмылка. Что-то было в нем... странное.

Я так и ушла, преследуемая этой наглой насмешливой ухмылочкой! В тот самый день мною было принято два важнейших жизненных решения:

1. Больше никакой зюзи!
2. Больше никакого Эдварда!

История вторая, предупредительная

«Кир, пожалуйста, ответь хоть что-нибудь. Кир, не заставляй меня посвящать мелкую».

Очередное сообщение от Эдварда настигло перед тренировкой. Я бы не подключалась к связи, но ждала сообщение от мамы. От мамы не было, что очень тревожило, от Эда более десяти за один только истекший час.

– Киран МакВаррас!

И почему я опять первая? Стремительно бросила сейр в карман и, схватив эенг, вышла в круг.

Кто объяснит, зачем будущим капитанам навыки рукопашного боя? Капитан должен управлять кораблем, но никак не бить морды подчиненным. Или преподы именно это имели в виду под термином «субординация»?

– Первая позиция. – Тренер крутанул свой эенг, и, едва вращение прекратилось, в его руке оказалось длинное копье.

Метра три как минимум. Мой эенг мгновенно повторил трансформацию тренировочного снаряда мастера, и я приготовилась к бою.

– Атакуй!

Спокойный приказ уверенного в себе наставника. Лоджен истязал всех студентов первого курса и заодно пятьдесят курсантов высшей офицерской. Истязал мастерски и зверски. Увечья легкой формы тяжести получал каждый, кого мастер вызывал в начале занятия на показательный бой. Лоджен показывал, остальные повторяли. Мальчик или девочка для битья, которым не повезло, уползали. Сегодня эта роль досталась мне.

– МакВаррас, атакуй! – Повтор команды – это уже сломанная рука как минимум.

– Да, сэр, – мрачно отвечаю тренеру, но... даже не двигаюсь с места.

Почему я стояла? Не знаю. Возможно, все дело в том, что последние три занятия роль уползающего и стонающего доставалась мне. Два перелома ребер, перелом правой руки в трех местах, трещина берцовой кости, растяжение сухожилий... Боль приходилось терпеть только до медотсека, там в гелликсе восстановление было мгновенным, и на выход отправляешься уже совершенно здоровым, вот только...

– МакВаррас, – прорычал тренер. Именно прорычал, это уже не было сказано тем спокойным и чуть издевательским тоном, которым он доводил студентов до истерики и соплежуйства. – Прямое неподчинение приказу!

– Нет, сэр, – почему-то я продолжаю проявлять упорство, – ни в коем случае, сэр!

Мы стоим посреди зала, на возвышении. Вокруг пять сотен удивленных студиозов, которые, с одной стороны, рады, что это не им на моем месте стоять, а с другой – уже хотят начать тренировку. И я, застывшая на месте исключительно для того, чтобы просчитать первый удар тренера... Не хочется выть от боли в очередной раз.

– МакВаррас!

В этот поистине эпический миг послышался звонок мобика, который я, к своему ужасу, отключить не успела, так как отвлеклась на вопль мастера. А сейры более чем под запретом во время тренировок, и Лоджен просто бесится, если происходит подобный казус.

Рванула застёжку кармана, но отключить не успела. Щелчок, затем переход на громкую связь, и в абсолютнейшей тишине прозвучал усталый голос Эдварда:

– Кир, малышка, ответь! Киран, сколько можно? Маленькая моя, нежная, желанная, я возвращаюсь сегодня вечером. Нам нужно поговорить, слышишь?

Если мне казалось, что тихо было до этого момента, то уж теперь и вовсе тишина гробовой стала.

– МакВаррас. – Лоджен Алинсар, невысокий шатен с серыми глазами и невыразительным лицом, в моменты гнева превращался в синеглазого монстра. Вот и сейчас глаза от ярости приобрели ярко-синий цвет. – Ваш сейр, сюда. Немедленно!

Пристально глядя на тренера, медленно тянусь к переговорному устройству, одновременно задавая иные параметры эенгу... потому что Лоджен сейчас нападет, это ясно, как то, что после рассвета день наступает.

И тут снова голос Эдварда:

– Киран, девочка моя, не молчи, я же знаю, ты меня слышишь.

Сейр я разбила сама. Уже от злости. Швырнула тонкую пластиковую модель, припечатала ногой и добила палкой. И я его била, била и била, ровно до тех пор, пока не прозвучало:

– МакВаррас, защита!

Злая, смущенная и вконец взбешенная, я перехватила зенг, который уже начал трансформацию из одного двухметрового копья в два полуметровых.

И началась битва! Если бы в наших руках были не зенги, а обычное дерево, сейчас щепки летели бы в разные стороны. Но в тренировочном бою щепок нет, есть кровь, слезы, стоны и садизм преподавателей.

Удар! Я увернулась, проскочила под палкой, нанесла двойной аркад в корпус и мгновенно левой жестокий удар по коленной чашечке.

– Пантера! – прохрипел тренер, вынужденный перенести вес на оставшуюся здоровой ногу. – Продолжаем!

Ну, дальше закономерно – я уползала с двумя переломанными ногами попластунски. Позади на одной ноге прыгал тренер и продолжал рассказывать, какая я бестолковая.

Вечером, сидя в комнате нашей общаги, пытаюсь учить «Инверсионные течения» и не слышать третьей сотни вопросов на тему «Что там было?» от Мики, я приняла еще одно важное решение:

1. Больше никаких пластиковых сейров. Буду пользоваться встроенным.

Когда засыпала, услышала раздраженные переговоры сестры и брата:

– Мика, почему у тебя с обеда телефон не работал?

– Почему? – Микаэлла изобразила смех Черного Властелина. – Почему, спрашиваешь? У нас повсеместно заблокировали связь во время лекций и тренировок. А знаешь почему? Да потому, что один идиот звонил Кире, а она не успела отключить связь, и его слова слышали ВСЕ!

В трубке воцарилось удивленное молчание.

– Что между вами было?! – заорала Мика.

В ответ снова тишина. Напряженная, только слышно его дыхание. А после раздалось едва слышное:

– Мик, Кира сейчас рядом?

Голубые глаза подруги взглянули на меня, и Мика не стала лгать:

– Да, рядом. Она рядом, Эд, и в то же время ее нет! Что между вами произошло? Прошло уже два месяца с той нашей дурацкой пьяной выходки, и все это время Кира молчит!

Я нахмурилась и уже хотела встать, чтобы отобрать сейр, но Микаэлла сорвалась:

– Она молчит, зубрит лекции, записалась в две новые секции и больше не пьет. А самое страшное знаешь что, Эд? Она даже не улыбается больше! И я все думала, что это с Киран? А это оказался ты! ТЫ! Сволочь ты!

Последнее слово потонуло в судорожном всхлипе. Не выношу, когда Мика плачет, она такой добрый и светлый человечек, и, когда плачет, у меня сердце сжимается.

– Мик, – смотрю на подругу. Она ручки к груди прижала, старается не всхлипывать, а у самой подбородок дрожит. – Мик, – я встала, забрала телефон, мстительно отключила. – Ничего он мне не сделал, успокойся. И не надо себя ни в чем винить.

Сидит и плачет, и на меня даже смотреть не может. Знает, что вру. Мика – солнечный человек, она может улыбаться и веселить всех вокруг, но при этом очень чутко чувствует чужую боль.

– Слушай, хочешь сегодня пойдём погуляем?

Влажный от слез взгляд и выразительный кивок в сторону часов – ага, после одиннадцати покидать общежитие нельзя.

– Давай поднимайся, – скомандовала я, направляясь в душ, – сегодня поиграем на контрасте.

Мика натуральная блондинка. Длинные светлые чуть вьющиеся волосы, голубые глаза, розовые губки и хрупкая фигурка. Я ее полная противоположность – жгучая брюнетка с зелеными глазами, и на фоне стройной Микаэллы кажусь очень женственной. А так самая обычная фигура... если ее не подчеркивать. Но как раз показывать достоинства и скрывать недостатки мы с Микой умели, а потому она в черном облегающем платье с глубоким декольте, я в таком же белом, но более коротком.

Пробраться мимо камер и охраны труда не составило – мы давно знали путь через подсобные помещения, а наши поддельные карточки идентификации как раз-таки и сообщали системе, что это две сотрудницы института покидают здание. И едва мы вышли из служебных дверей, как спортивные балетки были оставлены в нише над окном, а мы начали дефилировать на двенадцатисантиметровой шпильке. Туфли, к слову, были новые, посему мы поначалу шли медленно и осторожно, но уже скоро приноровились и дело пошло быстрее.

Поймали такси, назвали первый пришедший на ум адрес и полетели тусить, как умеем это только мы с Микой.

* * *

Громкая музыка на этот раз как-то давила на мозги, но исключительно мне. Микаэлла царила на танцполе в окружении трех... а, нет, уже пяти кавалеров и наслаждалась повышенным к себе вниманием. Я же устроилась за барной стойкой и потягивала мятный коктейль с запредельным содержанием алкоголя. Время близилось к трем ночи, в клубе «Морской бриз», под это самое море декорированном, веселье было в самом разгаре, и я с тоской подумала, что теперь Мику до пяти утра не вытащить.

Но уже в следующее мгновение мысли о Микаэлле были вытеснены чуть насмешливым:

– Сколько?

Нам с Микой, конечно, и раньше делали подобные предложения, что неудивительно, учитывая форму одежды, нами предпочитаемую, а потому реагирую нормально и привычно, даже не глядя на собеседника:

– Мужик, обернись ко входу. Видишь охранников? Достаточно одного жеста с моей стороны, чтобы вон те далеко не маленькие парни вмешались. Так что, если не хочешь собирать свои зубы с пола, просто иди, куда шел.

Обычно на этом любые домогательства прекращались мгновенно, но в этот раз почему-то нет.

– Так вот она, твоя цена – выбитые зубы, – тихий смех. – Да, а ты реально дорогая девочка.

Стремительно крутанувшись, повернулась к нахалу, который не внял предупреждению. Темноволосый незваный гость, памятный по не слишком приятным событиям, обворожительно улыбнулся и поинтересовался:

– Что пить будем? Кстати, я Дейм.

Дейма забыть было бы сложно – красивый, наглый, мускулистый, смуглый, темноволосый, и взгляд – умный, такое сочетание редко встретишь. А я и вовсе видела впервые.

– Девочка по вызову, – в свою очередь представилась я.

– Забыла добавить – очень дорогая девочка, – парировал он.

Его белоснежная улыбочка вновь сверкнула в полумраке бара. Такой тип парней я хорошо знала – бабники, правда, такие обычно цеплялись к Мике, я как-то больше другой контингент привлекала.

– Прости, Дейм, я сегодня... не работаю, – да и настроения перебрасываться колкими фразами не было совершенно.

Мне бы в общагу, под одеяло, и маме дозвониться, наконец. Стандартный ответ «Все хорошо», полученный после звонка с телефона Мики, я еще поняла, а вот нервное «Прекрати звонить, Микаэлла», мне не понравилось совершенно. Мама же знала, что звоню я. Так к чему это подчеркнуто официальное «Микаэлла», ведь ма мою подругу иначе чем «Микусик» не называет.

– Производственная травма? – решил продолжить беседу напарник Эдварда.

Мрачно взглянув на него, грубо ответила:

– Испарись! – Обычно хамство действовало.

Но не в этот раз. Дейм чуть склонил голову к плечу, разглядывая меня внимательным, слишком пронизательным взглядом и неожиданно произнес:

– Что случилось?

Хотелось просто его послать. Но что-то удержало. То ли пронизательный взгляд, то ли искреннее участие, прозвучавшее в его голосе.

– Лучше проваливай. – Я резким движением подняла стакан, сделала глоток.

Он протянул руку, накрыл мою ладонь неожиданно сильной своей. Не могу сказать, что не ощущала раньше силы мужских рук, – при смешанных группах в спаррингах моими противниками всегда были парни. Но что-то с этим Деймом было не так. Я вернула стакан на барную стойку, прикоснулась к ладони, провела пальцами по выступающим венам. Что меня напрягло? Не знаю, наверное, эта вот странность – вены. В летних лагерях мы сталкивались с бойцами десанта, вот там такие же вылезшие вены были, но те бойцы качались, плюс стероиды, плюс имплант, а Дейм, если служит с Эдом, относился к разведподразделениям. Тогда откуда это?

– Новая тактика обольщения? – произнес Дейм, а едва я взглянула на него, подмигнул и ехидно добавил: – Начинаю понимать причины твоей завышенной

СТОИМОСТИ.

Мгновенно убрала руки и вообще вернулась к коктейлю, сделав вид, что ничего не было. Хотя с чего это вообще я смутилась? Крутанувшись на стуле, с вызовом взглянула на Дейма... под его понимающим и опять же чуть снисходительным взглядом смутилась окончательно и решила пить и молчать.

– Я бы тоже сделал вид, что ничего не было, но мне просто интересно – что ты там заметила такого любопытного, в моей ладони? – веселый голос, в котором проскальзывают стальные нотки.

Не скажу, чтобы подобное мне было в новинку – адмиралы, капитаны крейсеров, капитаны военных баз говорили примерно так же, вроде и по-дружески, мы-то для них всего лишь курсанты, прибывшие на экскурсию, но за внешней мягкостью проскальзывала эта командная сталь. И снова вопрос – откуда у разведчика подобный голос? Сомневаюсь, что у него привычка командовать впиталась в характер.

– Люблю мужские руки, – с придыханием ответила я и похлопала ресничками.

– Люблю красивых девушек, – в тон мне произнес Дейм, неожиданно придвигаясь ближе и превращая наше общение в нечто интимное.

А это уже наглость.

– Дейм, – пропела я, тоже придвигаясь к нему, – есть предложение.

– Мм, слушаю. – Его рука скользнула на мою коленку.

Я облизнула губы и, глядя в черные насмешливые глаза, выдохнула:

– Проваливай!

Дейм отреагировал странно. Ни злости, ни раздражения, ни насмешки – он удивился. Он действительно сильно удивился и теперь смотрел на меня чуть нахмурившись и явно не понимая.

– Что? – спросила я.

– Ты меня послала, – констатировал Дейм. – Ты серьезно меня послала?

Настала моя очередь удивляться. Запел женский красивый голос, ударили басы, клуб взорвался восторженным женским визгом, а я удивленно смотрела в черные глаза напарника Эдварда Дрейга, который не менее удивленно смотрел на меня.

– Кира, – обнаружил он знание моего имени, – нет, правда послала?

– А что тебя удивляет? – решила я возмутиться. – У меня нет настроения. После случившегося на квартире Эда мне банально стыдно, и вспоминать о нашем знакомстве нет желания абсолютно. И да – я тебя послала, ты не в моем вкусе.

Его глаза округлились.

– Что? – повысив голос, спросила я.

Дейм тряхнул головой, словно пытаясь отогнать какие-то мысли, и коротко приказал мне:

– Смотри.

После чего стремительно поднялся. Развернувшись впол оборота, я начала смотреть. Дейм же оглядел зал, выхватил взглядом девушку в ярко-малиновой мини-юбке и едва зримом черном топике. Повернулся ко мне, удостоверился, что я наблюдаю, и подошел к жертве, которую приобнимал довольно-таки симпатичный парень. Дальше случилось нечто – девушка повернулась, едва Дейм обратился к ней с вопросом... в следующее мгновение улыбка исчезла с ее лица, глаза расширились, лицо приняло восторженное выражение, и, отбросив руку своего парня, она шагнула к темноволосому напарнику Эдварда Дрейга. Бракованный навигатор, у нее мозги явно закоротило. А наглая рожа чуть склонил голову, словно извиняясь, крутанулся и спокойно, с явно вернувшейся самодовольной уверенностью направился ко мне.

Подошел, сел рядом и произнес:

– Видела?

– Да, – согласилась я, – ты козел.

«Козел» удивленно вскинул бровь, меня это не тронуло.

– Так ты, значит, веришь, что сможешь привлечь внимание любой девушки? – не скрывая насмешки, поинтересовалась я.

– «Привлечь внимание»?! Я не клоун, – отрезал Дейм, – а вот влюбить в себя я действительно могу любую. Собственно поэтому я и подошел к тебе.

– Чтобы влюбить меня в себя? – Меня откровенно воротило от его самоуверенности.

– Чтобы поговорить, – уточнил Дейм. Усмехнулся и нехотя начал: – Кир, то, что случилось тогда у Эда...

– Хватит, – отрезала я. И встала, намереваясь прекратить беседу.

– Он из-за меня так поступил. – Черные глаза пристально смотрели на меня.

Усмехнулась, качнула головой и честно ответила:

– Мне все равно, Дейм.

И уже собиралась уйти, как услышала:

– Не будь стервой, Кира.

Да, после такого я осталась, села обратно и ответила:

– Не будь козлом, Дейм.

Улыбнулся, едва заметно, несколько мгновений раздумывал, продолжить беседу или нет, но все же решился. И, не глядя на меня, с раздражением произнес:

– Я могу получить любую, Кир. Абсолютно. Эд в курсе, и он попытался прикрыть тебя, не позволяя мне даже рассмотреть его утреннюю гостью. А то, что сказал... – Он рассеянно пожал плечами. – Дрейг знает, что я шлюхами не интересуюсь, вот и обезопасил тебя от моего интереса.

– Бредово звучит, – сообщила я.

– Правда – всегда бред воспаленного сознания, – парировал он.

Забавный у нас выходил разговор, но все же:

– Любую? – недоверчиво переспросила я.

Мне весело и с намеком подмигнули. А вот это уже любопытно. Я демонстративно крутанулась, оглядела зал. В него как раз входили Вероника и ее новая игрушка Симма. Веронику я знала давно, у шефа встречались, и ее интересы мне также были известны – мужчины в них не фигурировали.

– Ее сможешь? – скрывая ехидную улыбочку, поинтересовалась я.

– Мм, что мне за это будет? – в свою очередь поинтересовался Дейм.

Я подтянула платье, чуть сползшее на груди, и осторожно спросила:

– А чего хочешь?

Если скажет «тебя», получит в морду немедленно. Но напарник Эда удивил, произнеся:

– Поговоришь с Дрейгом.

Бросив на него удивленный взгляд, я переспросила:

– Что?

– Поговоришь с Эдвардом, – спокойно повторил он.

– Зачем?

От очередного всплеска визгов восторженных любительниц клубной музыки я чуть поморщилась. Дейм усмехнулся, побарабанил пальцами по барной стойке и сделал неожиданное признание:

– Жаль мужика.

Катарсис, приди к нему – все, что тут можно сказать. Я хмыкнула и уточнила:

– Так что я должна сказать Эду?

Дейм загадочно произнес:

– Ты знаешь.

– Если бы знала – не спрашивала.

Но все же он прав – я знала. Прочла ответ в его взгляде, скользнувшем по моим губам, и, прежде чем он его озвучил, уже догадалась, что услышу:

– Скажешь, что ты со мной.

Бракованный навигатор!

– Дейм, – мягко начала я, – да ты просто...

– Мерзавец, гад, подонок, сволочь, – он без труда догадался, что я планировала выдать, и вызывающе улыбнулся.

Не менее нагло улыбнулась ему. В полумраке барной стойки наши оскалы сияли в свете неона пару секунд, после чего я искренне пожелала ему:

– Чтоб у тебя автопилот заглох.

– Это типа «нет»? – спросили с явным предвкушением.

– Зря ты вообще этот разговор затеял, – сообщила я и отвернулась, не желая продолжать наше общение.

– Кира, – тон его голоса мне не понравился. – Поговори с Эдом. Без нанесений легких телесных повреждений.

Я не отреагировала.

– Поговори с ним сама, иначе я заставлю.

И вот тогда я не выдержала, развернулась к нему и напрямую спросила:

– А какая тебе разница, буду я с ним разговаривать или нет?!

Дейм усмехнулся и, глядя мне в глаза, спокойно ответил:

– Предпочитаю работать с теми, кому есть что терять. Видишь ли, у них не бывает потерянного взгляда, да и проблем они не создают. В общем, Кир, я ушел покорять девицу нетрадиционной ориентации, – я покраснела, никак не ожидала, что Дейм все поймет, – а ты готовишься к встрече с Эдом.

И он поднялся, я же спокойно спросила:

– А если нет?

Дейм развернулся и теперь стоял за моей спиной. Затем нагнулся, пошевелив дыханием волосы на моем затылке, и прошептал:

– А если нет, тобой займусь я. Не скажу, что ты в моем вкусе, но согласишься – девушка, сумевшая сказать «нет», – это уже вызов, заслуживающий внимания. Будь хорошей девочкой, Киран, вы с Дрейгом чудесная пара, не мучай парня.

И он ушел.

Допив коктейль, протянула бармену карточку. Тот, весело подмигнув, вернул обратно.

– Опять за счет заведения? – догадалась я.

– Дань твоей красоте от постоянного почитателя, – отозвался Крис, намекая, что подарок от него. Не в первый раз уже.

– Мой рыцарь. – Я томно улыбнулась.

– Пантеренок, я готов быть твоим до конца жизни, – с Крисом никогда не поймешь, шутит он или серьезно.

Надо забирать Мику и валить домой. Оглянулась на танцпол. За время общения с Деймом я как-то упустила происходящее из виду, и вообще визги восприняла как реакцию разбушевавшихся меломанок, а оказывается, дело было не в излишке алкоголя – судя по всему, там только закончилась драка. И атмосфера накалялась. Неизвестно откуда взявшиеся два бугая, выше всех на голову как минимум, похоже, в процессе драки разогнали всех кавалеров Микаэлле и теперь пытались «поговорить».

– Кир, стой, я скажу охранникам, – встревожился Крис.

Видимо, он, как и я, только заметил неладное.

– Разберусь, – спокойно отозвалась я.

И походкой от бедра уверенно направилась туда, откуда все нормальные люди, предчувствуя проблемы, уже разбегались.

– Чья ты? – Низкий гортанный голос, с трудом выговаривающий слова.

Явно не местные ребята.

И чем ближе я подходила, тем отчетливее понимала это. Одежда не из синтетической ткани, оружие на поясе, оружие в сапогах, ножи в ножнах. И оба громилы поразительно походили друг на друга. Бронзовый оттенок кожи, черные большие, чуть зауженные глаза, крупный нос, твердые губы, квадратные подбородки, длинные волосы и татуировки странного членистоногого на правом плече.

Именно татуировки заинтересовали сверх меры – изображение точно такого же членистоногого когда-то украшало и мое собственное плечо. Сейчас там красовалась аппликация из стразов и кусочков кожи, за которую я отдала немалые деньги.

– Привет, мальчики. – Я уверенно вошла на танцпол и, подойдя к Мике, резким ударом ребра ладони заставила громилу отпустить ее руку.

Что странно – Микусь громилам не сопротивлялась совершенно, стояла и с выражением восторженного обожания смотрела на того, кто к ней с вопросом обратился. Я дернула ее за руку – никакой реакции, меня словно и не заметили.

В следующее мгновение Микаэлла была у меня за спиной. А оба воина, иначе их и не назовешь, сфокусировали трезвые взгляды на мне. Да, оба были трезвыми, абсолютно и совершенно, и это мне очень не понравилось. А еще у них у обоих был очень умный взгляд. Цепкий, проникновенный и... странный. Мне невольно Дейм вспомнился. И то, как после его взгляда и вопроса девушка в красной мини-юбке стояла с восторженным и тупым выражением на лице, совсем как сейчас Мика. Странно, да? Что еще страннее – кажется, от меня ждали той же реакции. Не дождались, недоуменно переглянулись.

– Чья? – хрипло спросил второй, который к Мике не приставал.

– Вы кто? – в свою очередь поинтересовалась я.

Сдержанные кивки головами, видимо, заменяли поклоны, после чего первый представился:

– МакХаррвед, воин первой руки.

– МакАтлар, воин четвертой руки, – выдал второй.

Забавно. Очень-очень забавно. Потому что я – МакВаррас! А двойных фамилий на Гаэре нет ни у кого... кроме меня.

– Люси, Ванесса, – представила я нас с Микаэлкой, которую явно трясло, так как подруга вцепилась в мою ладонь. – Рады были познакомиться, мы пойдем.

В ответ раздалось:

– Стоять!

Я не успела отреагировать, как МакАтлар с невероятной для такого огромного существа скоростью блокировал нам отход, в то время как МакХаррвед сделал шаг и приблизился вплотную.

– Чьи вы? – хрипло и властно спросил воин. – Кому принадлежите?

Внезапно поняла, что лучше нам сейчас действительно принадлежать хоть кому-то, потому как иначе у нас проблемы. Большие проблемы. Учитывая скорость, с которой эти громилы двигаются, охрану данного заведения и оружие не спасет.

– Мы... – начала я медленно подбирать слова.

– Да ничьи мы, – закричала Мика. – Ничьи, я говорила!

Зря она это сказала. Ой зря...

– Это хорошо. – МакХаррвед широко и неприятно улыбнулся и сказал Мике: – По праву сильнейшего ты, Люси, моя!

Я уже догадалась, что это большая, очень большая проблема, как услышала за спиной:

– По праву сильнейшего ты, Ванесса, моя!

Оглянувшись на бледную Микаэllu, которая, кажется, начала отходить от странного состояния загипнотизированности, я мрачно выдала:

– Здорово погуляли, да? – и сделала знак охране.

Увы, даже когда шестеро двухметровых сотрудников службы безопасности «Морского бриза» стремительно и уверенно шагнули на танцпол, я точно знала, что выносить отсюда будут именно их. С другой стороны – чем они думали, пропуская сюда столь странных посетителей, да еще и с оружием!

Зато, едва охранники подошли, началось самое веселое:

– Девушки, вам требуется помощь? – скорее для того, чтобы отвлечь громил, чем из вежливости спросили они нас.

– А вы как думаете? – в свою очередь поинтересовалась я. – Кто вообще впустил сюда индивидов с оружием?

Начальник СБ смущенно кашлянул и сообщил:

– Они вырубили сотрудников фейсконтроля.

– А вы полицию вызвали? – Мика тоже была возмущена.

– Уже на подходе, – ответили нам.

– Тогда мы пошли, – решила я, вспомнив, что нами-то полиция и заинтересуется, учитывая поддельные документы.

И тут прозвучало:

– Нет. – МакАтлар перехватил мое запястье, рванул на себя и задвинул за спину. – Женщина моя, уйдет со мной. Слова были произнесены.

В ту же секунду участь, подобная моей, постигла Мику. Стоя за широкими спинами воинов, мы мрачно переглянулись. Потом началась драка... И

закончилась спустя пару секунд. «Наши» воины одержали полную и безоговорочную победу. Остальные остались отдыхать на полу танцпола, подсвечиваемые светомузыкой.

– Женщина, – обращение воина ко мне не радовало. – Идем!

– У меня есть имя, – решила напомнить на всякий случай.

– Имя у свободных, имя жены – женщина. Ты строптивая. Воин научит послушанию.

Самое обидное – что этими скуными фразами мужик словно подчеркивал мою тупость. Не свою, а действительно мою, что бесило.

– Это вряд ли, – отозвалась я, уже примеряясь, куда буду бить.

И тут на сцене действия появился новый персонаж.

– Кир, я не это имел в виду под термином «хорошая девочка». – Дейм брезгливо перешагивал тела бессознательных охранников, направляясь к нам.

Мы с Микаэлкой скептически оглядели «спасителя». По сравнению с гаэрскими парнями он и Эдвард были, несомненно, крупными и накачанными, но в сравнении с воинами Дейм казался хрупким подростком. А еще он двигался как самый обычный человек и был совершенно без оружия. В общем, учитывая, что эти двое сделали с охранниками, в том, что Дейм сейчас тоже отправится поспать, я не сомневалась. Но так у нас с Микой хоть будет время снять туфли и сбежать, благо физподготовка на уровне.

– Помощь не помешает, – заметила Микаэлла, как и я, спешно снимая обувь.

Дейм не ответил. Теперь он переводил взгляд с одного воина на другого, а в следующую секунду стремительно атаковал.

Каюсь, сбежать не успели! На пару с Микой, открыв от удивления рты, мы смотрели, как парень бережно уложил «спать» сначала одного громилу, а затем поверх него и второго. И все это неторопливо и вместе с тем молниеносно.

После сего безмолвного действия Дейм выпрямился, достал салфетку и, вытирая руки, весело спросил:

– Ножкам не холодно?

Холодно не было. Было странно.

– Ты его знаешь? – не отрывая взгляда от темноволосого, спросила Мика.

– Встречались разок, – тихо ответила я, – в небезызвестной тебе квартире.

– Это какой? – Микаэлла продолжала восхищенно рассматривать незнакомца.

– Там где... эм... в футболках ходили...

Мика приняла единственно верное решение:

– Сматываем! – Это мне. – Спасибо, – это Дейму.

И, не сговариваясь, мы так босиком и рванули прочь, причем не в сторону входа, а к служебным помещениям, ибо на улице уже завывали сирены полицейских катеров.

* * *

Забег по ночному городу был не в новинку для нас обеих, да и маршрут известный. По заднему двору клуба с разбега взлететь на стену, перепрыгнуть, затем прыжок на стену и снова бег, где единственная проблема не расхохотаться раньше времени и туфли не потерять.

– Кто он такой? – Мика тормознула раньше времени – мы еще не успели добежать до перекрестка.

– Не знаю, – я тоже остановилась. – Зовут Дейм.

– Дейм? – Микаэлла остановилась, нахмурилась. – Кир, а этот Дейм ничего о вылетах не говорил?

– Говорил. – Я вернулась за ней, схватила за руку и заставила идти вперед.

– Кир, – простонала подруга, – похоже, это Дамиан Таим. Новый начальник Эда.

Теперь и я остановилась.

– А не слишком ли он молод для начальника? – изумилась я.

Мика развела руками.

– Вот атом нестабильный, – на большее слов не хватило.

Как бы совсем не хотелось, чтобы семья Мики или моя мама узнали о наших ночных вылазках.

– Ладно. – Мик потрянула золотыми волосами. – Будем решать проблемы по мере их поступления.

– Поддерживаю.

Мы рванули в ночь. Добежали до края крыши, спустились по пожарному лифту, надели туфли и, продефилировав до перекрестка, поймали такси. В четыре утра две «служащие общежития» вернулись в собственно здание университета, а две студентки наконец легли спать.

– Кир, тебе сейр новый нужен, – напомнила сонная Мика, просматривая свой собственный.

– Знаю, – отозвалась я. – Завтра заезд организуем.

– Эд вернулся. Тут почти сорок сообщений для тебя.

– Это его проблемы, – буркнула я, – спать.

Но не успели мы заснуть, как сейр Микаэлле тонко запиликал. Мика ответила и через секунду протянула его мне со словами:

– Это не Эд, но хотят тебя.

Нехотя взяла пластиковый контур, поднесла к уху и услышала злое:

– Кто-то что-то не понял?

Молча вырубил связь.

История третья, заездоорганизательная

Иногда двум неразлучным подругам бывают очень нужны лишние кредиты. Точнее, они не лишние, они очень даже необходимые, и они нам бывают крайне нужны... всегда. Когда мы только поступили в универ, все наши сбережения представляли собой подотчетные родителям кредиты и скудное денежное довольствие. Прошел месяц, и однажды неприятный тип из параллельной группы подвалил к нам с предложением. Скользким таким, как и сам Скользкий Ал.

Как выяснилось, парнишка организовывал гонки и предложил нам принять участие в ставках. Мы подумали, Мика произвела подсчеты и приняли решение – организовывать гонки самим и самим же принимать ставки. В кратчайшие сроки мы нашли двух самых непримиримых гонщиков, уговорили их посоревноваться, организовали заезд и начали принимать ставки.

Скользкий Ал был в ярости, даже пытался нам угрожать, но... Сочетание – симпатичная девушка и деньги, это не то, от чего может отказаться любой парень. И все гонщики были наши. Все же иметь дело с нами оказалось гораздо приятнее, чем со Скользким Алом, и так как мы не жадные, то платили значительно больше.

И вот утром, еще до лекций, мы связались с фаворитом гонок Точеным и новичком Риком, договорились о заезде и разослали эту инфу всем заинтересованным. Свободные кредиты начали стекаться в наши загибающие пальчики уже к обеду. Принимали ставки два к одному на победу Точеного.

А в десять вечера я и Мика в облегающих ярко-красных кожаных комбинезонах, завершающихся очень короткими шортиками, с такими же ярко-алыми губами и ногтями разгуливали по стартовой площадке, принимая последние ставки и общаясь с почитателями гонок. Кстати, победителем будет Рик, это знала я, знала Мика и знал Точеный. Для остальных ожидалась яркая гонка на выживание, и даже сам Рикьян о своей будущей победе еще не ведал.

– Девчонки, – Точеный вынырнул из толпы и нагло приобнял обеих за талию, – потусим сегодня в честь моего поражения?

Мы с Микой переглянулись и поняли неожиданное и крайне неприятное: Точеный пьян!

Толпа же, узрев всеобщего любимца, радостно взревела. Свист, крики, признания в желании стать матерью его детей также присутствовали. А мы с Микой думали.

– Кофе? – предложила Микаэлла.

– Не вариант, он в дрова! – резонно подметила я, так как он повернулся сейчас именно ко мне, наградив непередаваемым ароматом зверского перегара.

– Кто «в дрова»? – Точеный выпрямился, козырнул и с совершенно пьяной улыбкой выдал: – Я готов к подвигам!

Ой... вот когда он такой, это хуже, чем полный абзац. Мы начали оглядываться, и вдруг я узрела рожу Скользкого Ала. Мика проследила за моим взглядом и тоже поняла очевидное.

– Точеный, ты с кем пил? – уже зная ответ, спросила Микаэлла.

– Да с Алом. Клевый пацан, выпили по пивку безалкогольному... Нормальный он, чего взъелись на парня?

В общем, диверсия налицо.

– Мы пропали, – простонала Мика.

– Похоже на то, – была вынуждена сообщить я.

Как устроители гонок, мы знали одно непреложное правило – пьяных за руль не пускать, иначе запаришься с протестами игроков. Следовательно, у нас нет гонщика! Точнее, не так – у нас нет Точеного, а ставки именно на него шли!

И тут Микаэлла озарило:

– Кир, у меня сногшибательная идея!

– А может, не надо? – Все, кто сталкивались с идеями Мики, знали о причинах отсутствия у меня энтузиазма по этому поводу.

– Надо, Кира, надо. Я новые туфли хочу, ты – сейр. И потом, мы давно не устраивали ничего феерического.

И тут Точеный пьяно икнул и повалился на капот своей малышки. Ревевшая толпа затихла в момент, осознав, что гонки, кажись, срываются. Мы с Микой переглянулись, и я кивнула, принимая любое ее предложение. Все равно хуже уже не будет.

Увы, я ошибалась!

Расстегнув комбинезон так, что теперь был виден бюстгальтер, Микаэлла потрянула волосами и, невзирая на каблуки, взобралась на машину Точеного, одновременно подключившись к громкой связи:

– Внимание! – Ее звонкий голосок разнесся над всем стадионом. – Объявляем гонку века и самый неожиданный приз!

Толпа, шумевшая и обсуждавшая абсолютно пьяного Точеного, замолкла, уставившись на Мику. Микаэлла очаровательно всем улыбнулась, провела рукой по изящному изгибу от груди до бедер, и выдала:

– В связи с убытием Точеного, которого подло спойл всем известный Скользкий Ал, подсунув якобы безалкогольное пиво, мы меняем правила и приз!

Толпа зашумела, друзья Точеного вмиг выискали взглядом Скользкого и слаженно направились к нему. А в друзьях у гонщика выпускники «Беркута», отряда спецреагирования. Кипец Скользкому!

А потом я узнала, что кипец и мне!

– Итак, новые правила! – Микаэлла, освещенная светом прожекторов, словно светилась вся. – Объявляется набор участников гонок! Победитель получает то, о чем, несомненно, мечтал каждый из вас на протяжении всех шести месяцев!

У меня нехорошо кольнуло в сердце.

– Итак, у победителя будет выбор – деньги или поцелуй прекрасной Киры!

Тишина... задумчивая тишина. Хохот, а после свист, улюлюкание и крики «Согласен!», раздающиеся с разных концов стадиона.

– Вот атом нестабильный! – только и сказала я.

А суть в том, что при поступлении у Мики была защита – Эдвард. Защита распространялась и на меня, а потому у нас проблем не было. Были ухажеры, счастливые и не теряющие надежду у Микаэллы и несчастные, местами покалеченные у меня. Ну не считаю я, что нужно целоваться с каждым встречным... Эд исключение. И вот в результате среди студийщиков было провозглашено пари на интересных условиях – как лотерея; выигрывает тот, кого первого я поцелую. Желающий принять участие вносил определенную сумму, а выигравший срывал весь банк. И какие только предложения я не выслушала за все эти месяцы. Меня просили, умоляли, мне угрожали и у меня требовали! Кулак в кадык – вот мой стандартный ответ всем. И за шесть месяцев призовой фонд вырос настолько, что я уже подумывала ответить согласием

тому, кто предложит разделение выигрыша по ставке 20/80, восемьдесят мне, естественно. Пока таких предложений не поступало, и я держала марку. И тут это!

Но слова были сказаны, а мы с Микой известны тем, что свое слово держим. И я с угрюмым видом смотрела, как к старту устремляются катера новых участников, а ко мне спешит Рик.

– Кира, – он остановился в десяти шагах. Потом подумал и крикнул: – Эй, а кто ставки на ее поцелуй принимал?

В толпе кто-то захрипел. Потом слышалось:

– Вызовите «Скорую»... будьте людьми...

– Джек из триста двадцать второй принимал, – проявила я осведомленность в вопросе, о котором как бы и знать не должна была бы.

Рик оглядел толпу, нашел Джека, ринулся к нему. В этот момент Микаэлла спешно впечатывала имена участников в табло, оповещая тем самым присутствующих о количестве гонщиков. За пятнадцать минут набралось сорок три человека. Стадион мог вместить максимум пятьдесят гоночных катеров.

И вдруг в толпе слышалось:

– А Кира точно будет целовать победителя? – И задан был вопрос таким подозрительно знакомым голосом.

Народ зашумел, все начали доказывать, что Кира и Мика, если дали слово, то это железно. А вот как раз мы с Микаэлкой стремительно белели, подруга даже сейр выронила.

– Атом нестабильный, – снова выругалась я.

– Эд, – прошептала Мика одними губами, испуганно глядя на меня.

В следующую секунду она застегнула молнию под шею и вообще словно стала меньше ростом, а шорты начала вытягивать пониже. Глядя на ее тщетные попытки выглядеть поскромнее, я рванула молнию едва ли не до пупка и развернулась к тому месту, где народ ощутимо затихал.

Эдвард Дрейг словно ждал этого момента. Его выдающаяся персона находилась на верхних ярусах этого заброшенного стадиона, одет он был в черную майку и брюки цвета болотной зелени. Но самое интересное – его руки были сложены так, что мускулы отчетливо выделялись. А еще Эд был злой.

– Ну-с, недоверчивый тип, – я встала ровнее, – вы там долго стоять будете? Или вы уже передумали и отказываетесь принимать участие в гонке века?

Встроенный громкоговоритель разнес мои слова по всему пространству. Послышался хохот, опять улюлюкание, кто-то начал подбадривать Эда, а Мика сказала:

– Идиотка!

У нее, кстати, тоже был встроенный громкоговоритель, который подруга отключить забыла.

– Молодец! – похвалила я.

Мика покраснела, сурово взглянула на меня, а после повела себя, как и всегда в экстремальных ситуациях, – просто на все забила.

– Итак, принимаем ставки! – возвестила Микаэлла. – До старта десять минут! Имена героев на табло! Поддержите друзей и прокляните недругов! Не тормозим, господа! И пусть этот вечер принесет вам не только массу эмоций, но и денежный выигрыш!

– И помните: кто не рискует, тот слабак! Делаем ставки, господа! – поддержала я.

Ставки шли в автоматическом режиме – народ сливал электронные кредиты, делая ставку через сейр либо с телефонов. И больше всего ставили почему-то на

Эда, именуемого на табло как «Таинственный незнакомец».

Хмыкнув, послала Мике сообщение:

«Он скорее темная лошадка»!

«Не смей называть моего брата жеребцом!» – ответила Микаэлла.

«Я и не думала, потому что кобель он, а не жеребец!»

«Ты бы это... обернулась, что ли!»

– Неожиданно, – раздалось над моим плечом.

Обернувшись, застучала Эда, бессовестным образом читающего нашу переписку.

– Знаешь, Кир, – развернув меня к себе, Эд осторожно отключил громкоговоритель, превращая нашу беседу из публичной в приватную, – я в шоке. Я в таком диком шоке, что думаю лишь о том, чтобы схватить тебя и эту дуру малолетнюю и отшлепать обеих.

Так как я в данный момент старалась не думать о том, что обе руки этого теоретически двурукого, но, как подсказал опыт, явно имевшего по меньшей мере шесть рук индивида, согревают прикосновением мою талию. Вот только я больше не верила ему. Ни ему, ни Дейму. Не прощаю я такого. И даже разговаривать с ним не хотелось.

К счастью, Эд сообразил сам:

– Для вас это важно?

Я кивнула.

– На кону ваша репутация?

Кивнула снова.

– Если я выиграю, ты согласишься меня выслушать?

На сей раз кивать не хотелось.

– Ки-и-ир, – протянул Эдвард.

– Ладно, – голос мой упал до шепота, – если ты... выиграешь...

Про себя подумала, что в этом случае нам с Микой достанется денежный приз, который по условиям гонки мы обязаны выплатить победителю.

– Я выиграю, – уверенно произнес Эдвард.

Когда он шел за своим катером, рассекая толпу, я молча смотрела ему вслед.

– Микрофон слюной закапаешь, – сообщила мне Мика.

– Громкоговоритель! – прошипела злая я.

Но уже все и все слышали, а Эд обернулся, весело мне подмигнул и продолжил шествие, уже гораздо более довольный, чем прежде.

* * *

К моменту, как все болиды выстроились на старте, мы с Микой уже стремительно меняли ставки тотализатора, так как суммы кредитов все прибывали и прибывали. В какой-то момент стало ясно, что в ставках не только наш универ участвует. Это несколько нервировало.

– Закрываем, – скомандовала Мика.

– Поддерживаю, – и я прикрыла ставки на Эда.

– Подавай сигнал, – Микаэлла махнула рукой, демонстрируя, что она очень занята.

Вновь включив громкоговоритель, я схватила оба флажка и модельной походочкой двинулась к болидам. Когда подошла и изобразила стриптизерское приседание, в серебристом дорогом болиде взревел двигатель. Послала Эду воздушный поцелуй и сообщила зрителям:

– Итак, наши герои на старте! Сорок шесть участников, готовых рискнуть всем ради победы!

И тут я совершила величайшую глупость, объявив:

– И по традиции наших гонок, я в последний раз задам вопрос: есть ли среди вас еще те, в чьих жилах течет огонь? Есть ли еще желающие принять участие в Гонке Века?!

Вообще это только обороты речи, произносимые, дабы участники себя особенными ощутили. Но сегодня все было против нас!

Послышался гул отдаленного мотора, затем над стадионом показался черный болид, который слетел к старту и занял одно из оставшихся пустых мест. И пока я, как и все остальные, удивленно смотрела на неопознанный автомобиль, тонированное стекло опустилось, мне нахально улыбнулись и «гость незванный» весело поинтересовался:

– Скучала?

– Кир, это кто? – Мика, стоящая на наблюдательной площадке, поинтересовалась громко, так, чтобы все слышали.

– А это... – я задумалась, – это наш Темный жеребец!

– Может, лучше «Темная лошадка»? – решила смягчить Микаэлла.

– Неа. – Я не скрывая раздражения, взираю на нашего вчерашнего спасителя, – это Темный жеребец, так и заноси в табло.

В результате имеем на лидирующих позициях по ставкам Таинственного незнакомца и Темного жеребца.

– Пусть победит быстрее! – возвестила я, поднимая руки со сверкающими флажками вверх.

Мне нравился этот миг – я, а позади ревущие двигателями болиды! И требуется лишь один жест, одно движение, чтобы эта стальная лавина ринулась в бой за скорость!

– На старт! – вскидываю голову, смотрю в сверкающее звездами небо.

– Внимание! – Я улыбаюсь этой ночи, этим звездам, всем присутствующим. Ладони сильнее сжимают рукояти флажков, и те, повинувшись, вспыхивают ярче.

Миг. Краткий миг затишья перед бурей. В душе поднимается какое-то невероятное, ликующее чувство. Яркое, острое ощущение власти, силы, могущества. Да, ради таких моментов стоило жить!

– Старт! – И я резко опускаю флажки, вслед за ними становясь на одно колено.

Рев! И над моей головой проносится лавина металла и огня!

Замерла, ощущая, как порывы вспарываемого воздуха треплют волосы, открыла глаза, встала, отключив флаги. Сорок семь сверкающих болидов мчались по трассе, стремительно заходя в первый поворот. Роскошное зрелище!

– И... вперед вырывается Темный жеребец! – возвестила следящая с возвышения Мика. – А Киран утирает слезы восторга и тащит свою аппетитную...

– Убью, – ласково сказала я.

– Ладно, и тащит свою неаппетитную...

– Повешу...

– И с этой девушкой я делю постель!

– Жилплощадь!

– Между прочим, я отдала тебе свои лучшие годы!

– Да? Я думала, лучшее ты отдала подгузникам.

Мы с Микой ссорились в шутку, просто это всегда нравилось зрителям, а мы и рады стараться. И факт в том, что на гонки, организовываемые нами, собиралось втрое больше народа, чем на любое другое незаконное мероприятие, и мы этим гордились.

– О, крутой вираж – и вперед вырывается Таинственный незнакомец! Ки-и-ир, и как он тебе?

– Кобель?

– Ки-и-ир, я говорю не о собаках, а о том самом Таинственном незнакомце.

– Поздно. – Я как раз добралась до смотровой и теперь узрела очевидное. – Впереди вновь Темный жеребец.

Микаэлла улыбнулась мне, подошла, обняла и, отключив громкоговоритель, прошептала:

– Кирюш, на тебе лица нет. Ты в порядке?

Отрицательно машу головой. Вот как она все замечает?

– Из-за вчерашнего? Из-за воинов, да?

Откровенно говоря, нехорошие предчувствия меня действительно не покидали, но пока Мика этого не сказала, я все никак не могла понять, с чем связана моя тревога.

– Работаем, – прошептала я одними губами.

Мика кивнула, подключилась, и ее серебристый голосок разнесся над стадионом:

– У нас два несомненных лидера – Таинственный незнакомец и Темный жеребец!

– И в хвосте этих не в меру ретивых жеребцов пристроился наш новичок Рик! – подхватила я. – Народ, давайте поддержим нашего студента, нашу гордость, нашего будущего чемпиона. Рик, Рик, Рик, Рик, Рик, Рик, Рик!

Толпа подхватила, и теперь все скандировали «Рик», правда, имена других участников также назывались, а я стояла на своем:

– Держу пари, Рик победит! – Уверенность в каждом слове.

– Кирюш, говорила, не наклеивай эти ресницы, ты из-за них совсем не видишь, что во главе наших смелых и отчаянных все так же Таинственный незнакомец и Темный жеребец!

– Микусь, ты, конечно, блондинка и тебе все простительно, но поверь моей интуиции. А реснички у меня наращенные, это ты у нас все клеишь по старинке.

– Кир, в последний раз, когда мы доверились твоей интуиции, ректор получил в подарок мазь от геморроя!

Толпа грохнула хохотом. Мы зажигали.

– Мик, поверь, я была уверена, что у него с этим проблемы. Понимаешь, каждый раз, присаживаясь, он так кривился.

– Кирюш, просто он по утрам видел тебя без косметики в аудитории, вот и кривился.

– Микусь, какая косметика? В девушке все должно быть натуральным.

– Сказала горилла, догрызая девичий окорочок.

– Микусь, твоя кровожадность меня пугает.

– Не бойся, у меня новая диета – после шести подруг не ем.

– Это радует...

Мы погрузились в созерцание гонки. А момент был напряженный – влетая в очередной поворот, Эд заметно теснил незваного гостя. Сейчас оба наших неожиданных гонщика опережали остальных примерно метров на двадцать, и соревнование, по сути, шло именно между этими двумя. Вот только играли они... нечестно.

– Какие плохие мальчики, – подметила я.

– А девочки любят плохих мальчиков, – мурлыкнула Мика, – правда, девочки?

Прекрасная половина присутствующих ответила оглушительным визгом, и это несколько отвлекло внимание публики от весьма подлой подсечки Дейма, который нырнул под болид Эда, и только прекрасные навыки вождения старшего брата Микаэлле не позволили случиться страшному.

– Идиот! – прошипела я, забыв о том, что каждое слово слышно всем.

– Кирюш, я девушка тихая, скромная... Но еще раз братика так обзовешь, и я тебя закопаю... тихо и скромно.

– Бросай диету, кровожадина моя, брось каку, кому говорю.

Но нас уже никто не слушал. Болиды вышли на финишную прямую! Эд и Дейм впереди, за ними Рик, остальные – невразумительной массой следом.

– Ри-и-ик! – крикнула я.

– Таинственный незнакомец! – завопила Мика.

«Ри-и-ик!» – поддержали меня все девчонки стадиона.

– Десять, девять, восемь, – Микаэлла начала отсчитывать секунды.

– Семь, шесть, – включилась я.

«Пять, четыре!» – подключился весь стадион.

А я перестала дышать. Эд, в своем серебристом автомобиле, явно решил избавиться от соперника, который чуть обгонял его. Резкий удар вправо заставил болид Дейма крутануться. Визг тормозов. Рик делает отчаянный рывок вверх...

«Три, два, один», – ревет толпа.

Как в замедленной съемке, черный и серебристый болиды начинают падать вниз, в то время как Рик...

– Ноль! – верещит Микаэлла, сама белая с перепугу.

Болиды выравниваются, оба увеличивают скорость... поздно. Слишком поздно. У каждого по отдельности был шанс победить, но они не дали друг другу такой возможности.

– Победитель и новый чемпион Рик Стремительный! – возвестила я над притихшей толпой.

Болиды с ревом проносились над линией финиша, уже в совершенно ненужном порыве. А я, держа спину прямо и обольстительно улыбаясь, медленно спускалась по стальным ступеням, двигаясь к победителю и подсчитывала прибыль! Фантастическую прибыль! Вот что бывает, когда лидеры облажаются, а побеждает никому не ведомый участник? Вот-вот, именно это – Большие прибыли!

– Киран! – крикнул какой-то парень. – Ты уж с ним помягче там! Не взасос!

Это было первое из лавины посыпавшихся советов, пожеланий, подколов. До конца лестницы мне пришлось услышать:

- Языком в глотку не лезь.
- Действуй нежнее.
- В глаза смотри, пусть кайф словит.
- Киран, иди сюда, потренируемся!

И много чего еще. Я не обращала внимания. Я гордо шла к Рику, выбиравшемуся из болида, и старалась не косить взглядом на Эда, уже стоящего на покрытии гоночного трека. К слову, Дейм также стоял, скрестив руки и опираясь спиной о собственный автомобиль. В это время Микаэлла вела подсчет, она торопливо доложила результаты по внутренней связи, то есть только для меня:

– Кир, по результатам гонки он получает семь тысяч кредитов, за поцелуй с тобой двенадцать... Стой, пять сек... – На заднем фоне слышался какой-то голос, после чего Мика добавила: – Кир, за твой поцелуй он ничего не получает. Джек из триста двадцать второй сказал, что Рик отказался вносить ставку, так что поцелуя не будет.

– Какое разочарование для толпы, – буркнула почему-то довольная я и подключилась к громкоговорителю. – Мой герой! – Голос разнесся над стадионом. – Мой бесстрашный рыцарь, – теперь чуть поменьше пафоса и побольше придыхания в голосе, – мой победитель...

И снова тишина опустилась на всех присутствующих, а я шла, улыбаясь, чеканя каждый шаг и думая о том, как сейчас симпатяга Рик будет оправдываться и отказываться от поцелуя.

– Итак, – вещала Мика по громкоговорителю, – как мы все с вами помним, победителю предоставляется выбор – призовой фонд гонок или... поцелуй прекрасной Киран!

Я остановилась и грациозно помахала всем, так, на всякий случай напоминая, что Кира – это я. А то вдруг кто забудет. Толпа не забыла, толпа скандировала мое имя, чередуя его с именем Рика. Получалось «Киррик! Киррик! Киррик!». Стараюсь не рассмеяться, дабы момент не испортить.

– Чирик! – прошептала я Микаэлле.

– Главное, что не кирдык, – только для меня заметила Мика, после чего переключилась на громкую связь. – Какой волнующий момент! Любовь или деньги! Поцелуй или призовой фонд! Страсть к женщине или страсть к наживе!

Вот под эти инсинуации я и шла к Рику. Парень уже ждал. С хитрой самоуверенной усмешкой, скрестив руки на груди, опираясь на свой кар. Рикьян Намору, невысокий, крепко сложенный, в меру накачанный, смуглый и темноволосый. Мы с Микаэлкой знали его уже месяца два. Смелый парнишка, переведенный к нам в столицу из какого-то захолустья планеты третьего уровня. Заметил его Точеный. Гонщик гонщика, как говорится. В общем, Точеный, который собирался красиво уйти из дела, предложил обработать Рика. Мы и взялись за него. Подошли в столовке, познакомились, начали общаться. Так как Мика на тот момент встречалась с капитаном сборной по плаванию, мальчиком занималась я. Познакомила с нужными ребятами, ввела в компанию, разбила, так сказать, лед всеобщего недоверия к новичку. Рикьян нас не разочаровал – быстро влился в коллектив, занялся борьбой, втянулся в учебу. Но участвовать в гонках отказывался наотрез. А он нам позарез нужен был, потому как Точеный сказал: «Суперпарень, девчонки, не упустите!», а мы нашей звезде верили. Спустя некоторое время выяснили причины его упорства – Рик когда-то участвовал в гонках, не в нелегальных, типа тех, что мы устраивали. Он был профессиональным спортсменом, ведущим в своей команде, на него возлагали большие надежды, его ожидало великое будущее, а потом... автокатастрофа. Штурман погиб, Рик чудом выжил. Но гибели штурмана простить себе не мог и в болид больше не садился.

На то, чтобы уговорить его участвовать в этих гонках, мы затратили немало времени. Точеный и вовсе повел грубую игру – затеял драку в столовке, объявив Рика слабаком и муилой, в общем, нарывался он на драку знатно. И Рик поддался на провокацию, оставалось дело за малым – за нами с Микой.

И вот сейчас я иду к победителю. Иду неторопливо, спокойно и уверенно, прекрасно зная, что никакого поцелуя не будет – Рик не внес ставку, это знаю я, это знает он. Подходя к нему, я включила громкую связь и, эротично облизнув губы, прошептала:

– Привет...

Рик подождал, пока я окажусь на расстоянии шага от него, протянул руку, взял мою ладонь и рывком притянул к себе. И в таком интересном положении, практически обнимая, тихо спросил:

– Нас все слышат?

Естественно, слышали все, он и сам это понял, когда его голос раздался над всем стадионом, но я все равно кивнула, подтверждая.

– Ладно, – сказал Рик, – тогда сначала для зрителей. Спасибо всем, кто болел за меня! Только ваша поддержка позволила выиграть эту гонку. Спасибо!

Толпа ответила радостным: «Ри-и-ик! Ты супер!».

Рикьян переждал вопли исступленных поклонников, чуть сжимая при этом ладони, уютно расположившиеся на моей талии. Покивал всем для вида, а потом ловко отключил громкоговоритель.

– Опа! – прокомментировала сие Микаэлла. – А кто-то стесняется!

Разочарованный гул продемонстрировал, что этому не рады.

– Господа, не расстраивайтесь. В эротике главное – не звук, в эротике главное – картинка! – Микаэлла всегда была оптимисткой.

Я продемонстрировала ей кулак и вновь сосредоточилась на Рике. Улыбнулась его серьезному виду и решила не растягивать кульминацию:

– Слушай, – говорю, – мы оба знаем, что ты выберешь, так что не будем смущать народ. А вообще, зря ты ставку не внес.

– Уже знаешь? – заметно удивился Рик.

– Естественно. – Я улыбнулась шире.

– Ладно, – он как-то невесело усмехнулся. – Давай начнем с хорошего, Кир. Первое – я тебе очень благодарен. Благодарен настолько, что словами не передать. Спасибо, малышка, ты вернула меня, часть моей души, смысл в мою жизнь. Ты чудо, Пантеренок. Зеленоглазое, находчивое, корыстолюбивое чудо. – Он допустил паузу, облизнул губы, сглотнул и продолжил: – Теперь о плохом – эти два неудачника, – Рик махнул головой в сторону наблюдающих за нашим общением Эда и Дейма, – не имели и шанса против меня. Я лидировал с самого начала, сдерживал мощь болида и ждал финиша, чтобы победить красиво.

Почему-то я так и думала. Не ошибается Точеный, никогда не ошибается.

– Улыбаешься? – Рик тоже улыбнулся. И вдруг посерьезнев, задал вопрос: – Ты хочешь меня поцеловать?

Отрицательно машу головой.

– Совсем не хочешь?

– Рик, вспомни условия гонки и пойми: мое лобызание будет стоить тебе семи тысяч кредитов.

Он расхохотался, запрокинув голову. А я просто чувствовала взгляды всех присутствующих на себе, такие липкие и неприятные. А еще отчаянно хотелось взглянуть на Дейма... просто так, чтобы увидеть его выражение лица.

– Кир, – Рикьян сжал меня сильнее, сближая наши лица, – Кир, за контракт с СимАром я получу как минимум в две сотни раз больше. И эту возможность, возможность вернуться в большой спорт, подарила мне ты. Понимаешь?

Понимаю... Это сколько ж денег!

– И потому я тебя еще раз спрашиваю... тебя можно поцеловать?

И тогда я все же взглянула на Дейма – все понятно! Не то чтобы я восприняла его угрозу всерьез, но как бы... Рик отпустил в ту же секунду, на мой недоуменный взгляд ответил:

– Я понял. Совет тебе можно дать?

Молча кивнула.

– Если любишь, не отталкивай. Иди к нему и будь с ним каждую секунду, потому что, Киран, жизнь штука жестокая, и, если потеряешь любимого, будешь проклинать себя за все те мгновения, что могла провести с ним... и не провела.

– Тот штурман, – начала догадываться я.

– Ее звали Тамико, – Рик грустно улыбнулся. – Отойди на пару шагов.

Я отошла. Толпа разочарованно взревела. Рик помахал всем рукой, сел в болид и красиво умчался в звездное небо.

Вот так закончилась наша очередная гонка, а я послала в небо воздушный поцелуй и, подключившись к громкой связи, возвестила:

– Всем потрясающей ночи!

Не дожидаясь, пока Эд рванет ко мне, я побежала по ступеням вверх.

– Сматываем? – поинтересовалась Мика.

– И быстро!

– Догонят, – напомнила о неприятном подруга.

Я остановилась, обвела взглядом присутствующих, узрела пошатывающегося Точеного, кивнула Мике на него и, включив громкую связь, завопила:

– Полиция!

Бегать на каблуках не очень удобно, но мы с Микаэлкой этот забег выиграли. Эдварда, рванувшего к нам, оттеснила толпа, и, пока будущий разведчик перепрыгивал людей и препятствия, мы забрались в болид Точеного, уже

протрезвевшего и, судя по его зеленой рожице, блевавшего все время гонок.

– Сматывать пора? – поинтересовался он.

– И срочно. – Мика порывисто обняла его за шею. – Тан, миленький, выручай!

– Детка, все для тебя.

В гонке от заброшенного стадиона Точеный лидировал. Наш чемпион! Два хорошо знакомых болида безнадежно отстали, так как стартовали с задержкой.

Но когда, следуя знакомым маршрутом, Точеный нырнул под мост, уходя от облавы неизвестно откуда взявшейся полиции, зазвенел телефон Мики. Увидев номер, подруга тут же вдохнула, выдохнула и вежливо ответила на вызов:

– Добрый вечер, Исинхай.

– Что вы там устроили? – прорычал голос нашей «крыши». – Полиция на ушах. Кто-то сдал вас всех!

– Скользкий Ал, – догадалась Мика.

– Обе ко мне, живо!

Мы разом скривились, Точеный сочувственно вздохнул и свернул с намеченного пути. Да, вечер обещал быть долгим.

История четвертая, предупредительная

Респектабельный район, один из самых дорогих домов под сверкающим красноватыми отблесками защитным пологом. Теневой король всей столицы заботился о собственной безопасности.

– Кто? – хмуро спросил андроид на входе.

– Пропустить, – раздался усталый голос откуда-то сверху.

Точеный плавно влетел в ангар, остановил болид, открыл двери. Он с нами не ходил и явно был рад этому.

– Вы там... поосторожнее.

– Знаем, – сказала Мика, выбираясь под прицелом десятка камер.

– Постараемся, – ответила я, выбираясь следом.

Далее знакомая тропка под дулами лазерных установок. Вниз, вниз, вниз, пятая дверь вправо, вверх, снова вправо, и проход между двумя дверями. Мы тут уже все знали, а потому ходили без провожатого. Хотя в первые разы путались и без андроида не обходились.

– Кир, что у вас было с Эдом? – сворачивая в очередной раз, спросила Мика.

– Честно? – Я хмыкнула. – Он меня представил как шлюху этому своему Дейму! – выпалила на одном дыхании.

Микаэлла остановилась. Взгляд у нее стал очень нехорошим, и ангелочек прошипел:

– Я с ним поговорю!

И мы пошли дальше... разговаривать с Исинхаем. Он, кстати, неплохой мужик, но жадный. Когда мы влезли в бизнес, единственная причина того, что нас поддержали, – мы отдавали Исинхаю не сорок процентов от прибыли, а семьдесят. Еще двадцать шли на покрытие расходов, оплату работы программера и выплаты призовых, нам с Микой оставалось всего десять. Мы не жаловались, нам хватало. Обычно выходило по тысяче на каждую, а это два похода по дорогим магазинам с возможностью покупать все, что хотелось, большего нам не требовалось.

Когда мы подошли к зеленой двери, та открылась мгновенно – нас ждали.

– Красавицы мои, – Исинхай сидел на диване и радостно похлопал по кожаной мебели, приглашая присесть рядом, – что будете пить?

– Илатес, – сказала Мика, присаживаясь по правую сторону от фактического правителя всей столицы.

– Макарге, – после недолгой паузы выбрала я, присаживаясь слева.

Исинхай дал знак слуге в характерном черно-белом одеянии и молчал, пока нам не принесли выпивку. Посмотрел, с какой жадностью обе присосались к коктейлям, и спокойно приказал:

– Пошли!

Мы и пошли за ним следом, в соседнюю комнату, где имелся стол из черного дерева и располагалась уютная столовая.

– Руки мыть, – напомнили нам.

Да было б сказано. Оставив бокалы на столике, рванули в ванную. Там привели себя в порядок, умылись, снимая слой косметики, обе избавились от накладных ресничек.

– Какой-то он сегодня добрый, – заметила Мика.

– Значит, ждем плохих новостей, – прошептала я, стирая алую помаду.

– Угу.

Исинхая мы уже хорошо изучили.

Когда вернулись, столик был накрыт на две персоны, наша «крыша» сидел во главе, нам пришлось занять места друг против друга, ну и рядом с Исинхаем. На ужин имелись запеченные форели, салат, герианский хлеб с зернами растений этой закрытой планеты. Ели мы быстро, зная, что разговор не начнется, прежде чем с трапезой не будет покончено. Так уж тут заведено.

Когда опустошили тарелки и потянулись к коктейлям, Исинхай произнес:

– Вы засветились.

Молча потягиваем вкусняшку через трубочки, переглядываясь между собой и поглядывая на босса.

– Я вас прикрою, но гонки придется закрыть.

Горестный вздох мы не сдержали – организация гонок, прием ставок, шоу, в конце концов, были тем делом, которое нам нравилось.

– Жалко, – пробормотала я.

Исинхай протянул руку, похлопал меня по ладошке. Когда-то я от подобного обращения вздрагивала и вообще пугалась, но этот мужчина быстро объяснил, что малолетками не интересуется. Мы были для него источником дополнительных кредитов – и только. Потом уже сформировалось нечто вроде дружеских отношений. Благодаря покровительству Исинхая мы могли свободно шататься по столичным клубам, зная, что никто нас не тронет. Опять же благодаря ему имели карточки фальшивых удостоверений, ну а после истории с появлением в квартире Эда босс сделал нам допуск в общагу уровня служащих, поэтому мы, собственно, больше не были связаны комендантским часом.

– У нас забираете, а кому отдадите? – спросила Мика.

– Пока Скользкому Алу. Как все наладит, его уберем и поставим надежных людей.

Мы издали еще один горестный вздох. «Надежные» – в понимании этого народа значит свои. То есть не нам, короче.

– Будь вы постарше, пустил бы вас в дело, – продолжил Исинхай. – Но малолеткам в этом бизнесе делать нечего.

Вот с этим мы даже не спорили – одно дело быть двумя девочками, которые с гонками балуются, другое дело лезть в криминал. Бои без правил, ставки на

большой спорт, наркотики, торговля оружием – все это контролировал Исинхай. А может, и не только это, мы в его дела не лезли.

– И что нам теперь делать? – грустно спросила я.

– Расти, – спокойно ответил Исинхай. – Подрастете, завершите образование, там посмотрим. Еще по коктейлю?

– Нет, с нас хватит, – приняла я решение за двоих.

– Это несправедливо, – хмуро выдала Мика. – Скользкий нас заложил, а вы ему наше дело на блюдечке!

Шеф хитро улыбнулся, потрепал Микаэllu по щечке и вкрадчиво спросил:

– Микусь, солнышко мое, ты будешь спать с гонщиками, чтобы привлечь их к делу? А убирать тех, кто мешает? А идти на подкуп механиков, чтобы они вывели из строя болиды неугодных?

Мика побледнела.

– Скользкий с ними тоже спать не будет, – решила я отвлечь внимание от подруги.

– Скользкий найдет тех, кто будет, – спокойно ответил Исинхай. – Скользкий пойдет на подкуп и шантаж, раскрутит дело. И гонки будут проводиться не два раза в месяц, а раз в три-четыре дня. Аудитория увеличится, будем это дело транслировать.

Мы с Микой переглянулись и поняли: Исинхай сейчас делает нам большое одолжение. Потому что при таких масштабах дело приобретет огласку, полиция заинтересуется, и рано или поздно гонки закроют, а организатора посадят. И его прикрывать никто не будет, потому что эти люди стукачей не терпят. Скользкий Ал копал себе могилу и даже не подозревал об этом.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Большое спасибо, – искренне добавила Микаэлла.

– Сообразили? – Исинхай прищурился.

– Сообразили, – разом ответили мы и рассмеялись такому единодушию.

Шеф подал знак, и нам таки принесли еще по коктейлю. Сидя за столиком, мы наслаждались ощущением сытости после вкусного ужина, вкусом напитков – у меня шоколадный, у Микаэллы сливки с мятой. Жаль, что поболтать с Исинхаем нельзя, а нам всегда так хотелось.

– Код доступа, – напомнил шеф.

В центре столика образовалось свечение. Мика подключила к нему свой переносной сейр, ввела код, вошла в систему. Через мгновение Исинхай получил доступ ко всей нашей бухгалтерии, включая результаты сегодняшних гонок. Не глядя на нас, отправил кому-то сообщение, и вскоре в системе копались трое.

– Какие вы честные, – спустя некоторое время с усмешкой сказал Исинхай.

– Это плохо? – удивилась Мика.

– Как сказать, – шеф хитро взглянул на нее, – но мне приятно.

Мы в очередной раз переглянулись.

– Офшорные счета уничтожаем, – вглядываясь в схемы и столбцы, произнес Исинхай, – вы получите по три тысячи кредитов на кодовые карточки. Безналом дать не могу – засветитесь.

Молча и разом кивнули. Откровенно говоря, было радостно от того, что нас прикрывают и защищают. Не зря мы на отступные никогда не скупились.

– Рикьян Намору... – Исинхай задумался. – Он больше не участвует в гонках...

– Вроде решил вернуться, – вспомнила я.

– Хорошая новость, – шеф был задумчив. – Удостоверения личности.

Мы неохотно расставались со свободой, совсем неохотно.

– И не только эти, – напомнил Исинхай.

Пришлось отдать наш безопасный пропуск в общежитие. И вот после этого мы совсем пригорюнились.

Шеф же свернул свой сферический сейр, поочередно одарил нас пронизательным взглядом, и началось:

– Следующие два месяца сидите тихо, общежитие после одиннадцати не покидаете. У нас идет передел сфер влияния, так что про ночные загулы забываем.

Мы взвыли, Исинхай на наш горестный скулеж не обратил никакого внимания.

– Как все устаканится, вызову. И на всякий случай...

Открылась дверь, вошел все тот же безмолвный личный слуга шефа, протянул каждой из нас по коробочке, перевязанной алой ленточкой с бантиком.

– Это подарок, от меня, – шеф улыбнулся.

Старательно и торопливо открываем коробочки – в каждой новейшая модель сейра со встроенным телефоном. Ультратонкая, ультрапрочная, ультрамодная!

– Спасибо! – Я подскочила, звонко чмокнула невозмутимого Исинхая в левую щеку. Мика повторила то же самое, поцеловав в правую. И кто-то смутился, и это были не мы.

– Потрясная вещь. – Микаэлла рассматривала сейр с восторгом.

– Люблю женщин, – шеф усмехнулся, – дашь цацку, и они про все неприятности забудут.

– Это не цацка, – обиженно заметила Мика.

Исинхай только улыбнулся. Затем напомнил:

– Время.

Мы торопливо допили коктейли, подхватили свои подарочки вместе с упаковочкой и встали, собираясь уйти.

Прощаться тут было не принято, мы и не прощались. Однако уже на выходе услышали:

– Киран, в твоём сейре мой личный номер. Будут проблемы, звони.

Я так и замерла. Ну откуда у меня могут быть проблемы? Повернувшись к шефу, встретила его мрачный взгляд. По спине холодок прошёлся.

– А могут быть... проблемы? – тихо спросила я.

Он чуть заметно кивнул и с намеком произнес:

– Наши есть везде, Кир. Даже на Иристане. Идите.

История пятая, папандроознакомительная

– Иристан, Иристан... Кир, ты эту планету знаешь?

– Первый раз слышу, – ответила я, переименовывая номер, значившийся под цифрой один, в «SOS».

Точеный прислушивался к нашему разговору, но сам не влезал. А мы точно знали, что и ему на карточку пришли деньги, как и договаривались.

– Это получается, все закончилось? – спросил он, подвозя нас к общаге.

– Получается, что так, – Мика перегнулась через сиденье, обняла его за шею, прижалась и грустно прошептала: – Пока.

– Пока, малыш, – Точеный сжал ее ладошки. Когда Микаэлла его отпустила, как бы настал мой черед, но я не могу, как она, обниматься со всеми. – Прощай, Пантеренок.

Точеный меня обнял, потрепал по плечу и открыл двери, выпуская нас.

– Пока, – сказала я, пытаюсь сдержать эмоции.

А у служебного входа в общагу нас ждала незнакомая женщина в серой форме.

– Пойдемте, – приветливо сказала она и завела нас в обход систем идентификации. Едва мы оказались внутри, сообщила: – Вас ищут, переодевайтесь в тренировочные костюмы, спускайтесь в четвертый зал: он нижний, и его еще не обыскивали. Все это время вы тренировались, ясно?

Нам два раза говорить не надо. Хорошо, что косметику смыли у Исинхая. Надев тренировочные акеши, мы сгрузили одежду в пакет, передали на хранение новой знакомой и босиком рванули по служебной лестнице вниз.

В четвертом тренировочном зале, подхватив эенги и заняв позицию на матах, начали вяло изображать тренировочный бой.

– Ну и денек, – сказала Мика, нанося удар сверху.

– И не говори. – Принимаю на эенг и ударяю ногой в сантиметре от подруги.

В следующее мгновение распахнулась дверь. Так сказать, в «разгар» нашей тренировки ворвались двое полицейских, один препод и собственно наш ректор. Тот самый, который так и не простил преподнесенного ему перед всеми крема от геморроя, причем мы дарили в фирменной упаковке, с примелькавшимся в рекламе логотипом. Короче, мы потом долго просили прощения.

Именно ректор смерил оценивающим взглядом наши тренировочные акеши, обратил внимание на потные лица и затрудненное дыхание (бежали-то мы быстро). Недоверие сменилось удивлением. Атоло Горс стремительно подошел к стене, ввел код, подключился к системе, задал вопрос:

– Студентки Дрейг и МакВаррас, время занятий?

– Пять часов, сорок семь минут, – безэмоционально ответил электронный голос.

Да, спецы Исинхая – это спецы Исинхая. Слов нет, одни восторги.

– Еще вопросы? – Ректор повернулся к полицейским.

Те смерили нас недовольными взглядами и молча удалились. А мы остались, и ректор тоже.

– Отбой в десять, – нервно произнес ректор Горс, – что вы здесь делаете?

Ответить решила я, тем более мне было что сказать.

– Прошу прощения, сэр Горс. К сожалению, мастер Лоджен в последнее время излишне... взыскателен к моим навыкам боя, вот мы и...

– Два часа ночи, – прорычал глава университета, – марш спать!

А мы и не против. И, вернув эенгам прежний вид, поторопились покинуть тренировочный зал. Вскоре мы уже сладко спали, отправив завалившему звонками Эду сообщение, что у нас все хорошо.

* * *

Проснулась я от надоедливого: «Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы. Кира, сообщение от мамы».

Потянулась к сейру, ругая себя, что уже подключила прежний номер телефона, и прочла: «Киран, дочь моя, жду дома!».

– Что там? – сонно отозвалась Мика.

– Мама ждет дома. – Я села на постели, задумчиво уставившись на ультратонкий подарочек шефа. – И это очень странно.

– Так выходные, – Микаэлла, в нежно-розовой пижамке, потянулась, – просто соскучилась.

– Если мама «просто соскучилась», она пишет: «Пантеренок, приезжай к мамочке», – задумчиво ответила я, все так же глядя на сейр. – Какое-то совсем не типичное сообщение от мамули... Не нравится мне это.

– С тобой поеду, – мгновенно приняла решение Мика.

Я послала ей воздушный поцелуй и решила перезвонить маме, узнать, в чем дело.

Не знаю, в чем там было дело, но явно случилось что-то очень паршивое! Когда после девяти пропущенных звонков мамочка к телефону так и не подошла, я уже не просто волновалась, я начала с ума сходить от тревоги, я одеяло начала грызть от отчаяния. Мика тоже сидела и встревоженно смотрела на меня. Потом взглянула на часы:

– Восемь, нас до девяти никто из общаги не выпустит, пропусков-то у нас уже нет, – прошептала она.

Я это знала и потому снова и снова нажимала на кнопку вызова. Решив, что прежний мой номер, возможно, был заблокирован переговорной компанией, я перешла на новый, который был прикреплен к сейру, подаренному Исинхаем, и позвонила снова. И что невероятно и удивительно – мама ответила почти сразу.

– Мам! – заорала я, едва родное лицо появилось на экране... Но мой голос упал до шепота, едва я ее рассмотрела. – Мм... мама?

Такой я ее никогда не видела! Мы с мамой очень похожи, у меня ее глаза, такие же темно-зеленые, но у мамы волосы светлее и вьются, мои иссиня-черные и прямые. Но суть не в этом – в маминых волосах я отчетливо разглядела две

седые пряди на висках... Один бледный синяк на скуле, искусанные губы и красные, заплаканные глаза. А самое жуткое – в зеленых маминых глазах я отчетливо разглядела страх, едва она поняла, что на экране отражаюсь я.

– Не приезжай, – вдруг тихо, едва слышно, сказала мама.

– Не смешно, – на автомате ответила я.

– Не приезжай, – повторила мама одними губами и отключила телефон.

Я сорвалась к двери, даже не соображая, что делаю, но Мика остановила. Удержала, несмотря на попытки вырваться.

– Кир, – голубые глаза смотрели с тревогой, – Кир, не делай глупостей. Мы поедem, вместе. И знаешь что... мы возьмем Эда. Хорошо?

Я кивнула, чувствуя, как слезы жгут глаза.

– Кир, твоя истерика сейчас ни к чему, слышишь?

– Слышу. – Голос был словно не мой.

– Умойся и оденься, ты в одной ночнушке.

Мика практически втолкнула меня в ванную и пошла звонить Эду.

* * *

Ненавижу это ощущение надвигающейся беды. Тягучее, выворачивающее, сжимающее все в груди... Жуткое ощущение чего-то неотвратимого, как ноющая зубная боль, только на сей раз болела душа, и это оказалось так страшно.

Мы мчались в такси по утренней столице. В выходной день все пути были полусвободны, никто никуда не спешил, и только я продолжала шептать «Быстрее, быстрее, быстрее», как будто машина могла меня услышать. Эдвард уже должен был находиться там, он полетел сразу после звонка Мики, а мы

вынуждены были прождать еще час. Хуже другое – Эд так и не позвонил. За все это время от него не было сообщений... ни одного!

Звонок. Микаэлла хватается сейр, включает сразу на громкую связь.

– Кира, – голос Эдварда показался странным, – Кир... ты в курсе, кто твой отец?

– Частично, – глухо ответила я, – он умер на какой-то там войне. Мама особо не вдавалась в подробности, а что?

– Он тут.

Мика удивленно смотрела на меня, я не менее удивленно на нее.

Эдвард же продолжил:

– Кир, твоя мать не хочет, чтобы ты приезжала. И, если честно, я с ней полностью согласен... с ее планом также. Вернись в общагу.

– Нет! – ответила я, даже не задумываясь.

– Ки-и-ир, – недовольно протянул Эд, – твоя мать вряд ли останется на Гаэре, для тебя же лучше оставаться здесь. Вернись в общагу, я приеду вечером и все объясню.

– Я еду.

– Кир, – Эд тяжело вздохнул, – Кир, я тебя в любом случае прикрою, просто... не хочется, чтобы ты обо всем этом узнала. Понимаешь, твой отец, он...

– Мне как-то плевать, кто мой отец, но за маму он мне еще ответит! – прошипела злая я.

Просто никто... никто не смеет доводить мою мамочку до такого... Невольно всхлипнула, но тут же сжала кулаки и взяла себя в руки. Моя мама, она такая сильная... я даже не могу себе представить, что случилось такого, что могло ее

сломать. Я просто представить не могу!

– Кир, с этим человеком даже я не пожелал бы связываться, – мрачно произнес Эд, – вернись, пожалуйста.

Я отключила связь.

* * *

Еще на подлете обратила внимание на шесть дорогих черных автокаров, припаркованных на входе перед нашей многоэтажкой. Чуть поодаль стоял серебристый болид Эда, и сам его владелец обнаружился стоящим рядом. Хуже другое – Эд был не один. Рядом, возвышаясь на добрых полторы головы, находились трое... громил. И чем ближе мы подлетали, тем больше и страшнее они казались.

– Знакомые все лица, – пробормотала Микаэлла.

Я всмотрелась в загорелых мускулистых воинов с длинными черными волосами и поняла, что с двумя из них мы знакомы:

– МакАтлар и МакХаррвед!

Такси плавно опустилось на площадку, а мы все еще не решались выйти.

– Остайся здесь, – предложила я.

– Не смешно. – Микаэлла вышла первая.

Едва мы вышли, все четверо мужчин разом повернулись в нашу сторону. Эд укоризненно покачал головой и крикнул:

– Мика, ты домой!

Голос у него был такой, что Микаэлла невольно отступила к такси, вынуждая его остановить взлет.

И тут прозвучало:

– Моя!

Воин, заявивший свои права на Мику, практически прорычал это слово, а мы обе невольно вздрогнули. Эд отошел от машины. Плавно и легко, и сказал уже мне:

– Киран, на твоём месте я бы тоже смылся.

Говоря откровенно, идея мне неожиданно понравилась.

Но тут обстоятельства в корне изменились:

– Киран? – переспросил тот, кто представился МакХаррведом.

В следующую секунду все три воина, разом опустились на одно колено, склонили головы, прижали могучие кулаки к не менее могучим грудям, и над стоянкой раздалось их слаженное:

– Принцесса Киран МакВаррас, приветствуем!

Я не успела даже удивиться, как все они плавно встали, двое взяли меня под конвой, в какое-то мгновение оказавшись рядом, а третий приставил кинжал к горлу оторопевшего Эда. Они вообще словно по воздуху перенеслись, как тени! Только что стояли на коленках, и вдруг раз – и тут!

Самое забавное, что перепугалась только я:

– Ки-и-ир, – спокойно произнес Эдвард, – я могу вызвать своих.

Я не поняла, о чем он, и все же сообщила:

– Я все равно собиралась к... папочке.

Он кивнул и решительно произнес:

– Я с тобой.

– Нельзя, – ответил воин, сильнее надавливая кинжалом на ничем не защищенную шею. – Ты кто?

– Муж, – прохрипел Эдвард.

Кинжал был убран мгновенно. Теперь воины нерешительно переглядывались.

– Мика, ты домой, – шепнула я.

– И быстро, – добавил Эд.

Микаэлла встревоженно смотрела на нас, потом села в автомобиль. Когда такси взлетело, мне стало легче. А потом подошел Эд, обнял, и стало почти хорошо. Как бы я ни злилась на Дрейга, он был своим и он был моим защитником с детства, так что с ним рядом мне было спокойнее.

– Идем. – Он потянул меня к дому.

Воины безмолвно двинулись за нами. Двое. Один остался на стоянке.

Едва мы вошли в лифт, Эд развернул меня, прижал спиной к стене, закрыл собой от воинов, а потом спросил:

– Поговорим?

– Давай, – согласилась я, судорожно вздохнув.

– Ты без косметики, – Эдвард улыбнулся, – ты очень красивая, когда не красишься.

– Спорное утверждение, – грустно улыбнулась, вспоминая мамино лицо со следом синяка на скуле.

А он удержал, склонился ко мне и, глядя в глаза, прошептал:

– Я не хотел, чтобы Дейм знал о тебе. Прости меня.

Дейм! Раздражающий тип, должна признать. И странный. Очень.

– Ки-и-ир, ты меня слышишь?

Молча кивнула. А потом услышала сногсшибательное:

– Пантеренок, я тебя люблю.

Мир мог катиться к черту! Весь, со всеми сотнями планетарных систем! И эти воины, сопящие за его спиной, и вообще все. А еще укатился к черту мой голос, потому что я ничего не могла сказать, глядя на Эдварда Дрейга. Любит?! Правда?!

– Эд, – прошептала я. – Эд, ты...

– Кир, – он нежно провел пальцами по моим губам, – Дейм, он... мы же учились вместе, но после одного задания он стал...

– Станным, – подсказала я.

– Другим, – поправил Эдвард. – Сильнее, быстрее, умнее настолько, что с ходу высшую офицерскую закончил. Карьера у него головокружительная, но я не завидую, меня в руководство и не тянуло никогда. Тут в другое дело, девочка моя, женщины... они на Дейма реагируют. Все. Стоит ему этого захотеть, вот я и...

Лифт остановился, нужно было выходить, а я не могла даже пошевелиться.

– Ки-и-ир? – Эд смотрел уже встревоженно. – Ты в порядке?

– Нет, – выдохнула я, не отрывая взгляда от его виноватых глаз.

Он улыбнулся, наклонился и прикоснулся к моим губам...

– Нужно идти! – хмуро возвестил один из воинов.

– Воин не прикасается к устам женщины! – добавил второй.

Но Эд не отреагировал, накрывая мои губы нежным поцелуем.

Остановись, мгновение, ты прекрасно.

А потом все стало плохо! Просто очень плохо!

Некоторое время я стояла, не в силах понять, что вырвало меня из рая и вернуло на землю, больно ударив об онаю. А в груди все перевернулось. И, отстранившись от Эда, чье дыхание словно заглушало для меня весь мир, я прислушалась... Рыдания! Сдержанные, едва слышные... И страшным осознанием навалилось очевидное – наш этаж... плакала мама.

Рывок. Я вырвалась из объятий Эдварда и практически побежала. Тенью метнулись воины, живой стеной возникнув у меня на пути, но тут из глубины нашей квартиры раздалось:

– Кто? – От звуков этого голоса стало как-то страшно.

Так порой рокошет надвигающаяся гроза, вроде и негромко, но очень грозно.

Мне уже не хотелось встречаться с отцом.

– Принцесса Киран, – ответил один из воинов.

– Пропустить!

Стена из мускулов раздвинулась. Но теперь я шла гораздо медленнее... По сверкающему сталью коридору, мимо стеклянных дверей, в маленькую прихожую, где я всегда снимала обувь. Сейчас не стала. Мимоходом взглянула на себя в зеркало – серый бесформенный тренировочный костюм как нельзя лучше выражал мое настроение. Образ немного портили ярко-красные ногти, оставшиеся после вчерашнего выступления на гонках, но они меня сейчас не особо волновали. Я огляделась, и взволновало другое... следы крови на полу, на

стене... отпечатки окровавленных пальцев на двери...

– Мама, – мой голос упал до шепота. Но уже в следующую секунду я закричала: – Мам!

Всхлип. Он донесся из спальни. Невзирая на то, что из гостиной ко мне двинулся кто-то, смутно различимый за мутным черным стеклом раздвижных дверей, я рванула в мамину комнату. Попыталась распахнуть дверь, с яростью поняла, что та заперта. Психанула, ударила ногой, выламывая хлипкий замок, который мы с мамой устанавливали вместе, ворвалась в помещение и застыла...

Мама лежала на постели... На животе. Она была обнажена до пояса, хотя это сложно было назвать обнажением... Спина... вся спина оказалась покрыта красными кровоточащими рубцами... Вся... на ней живого места не осталось... И я в диком ужасе смотрела, как капли крови срываются с ее кожи и стекают на постель... Ту самую постель, в которую я частенько забиралась в детстве, чтобы поспать рядом с мамой...

– Мам, – чувствую, что начинается истерика, – мамочка...

– Киран, – она простонала, с трудом повернула голову и, едва наши глаза встретились, вздрогнула. Всем телом. А по щекам – слезы! И обреченный шепот: – Киран, зачем ты пришла? Я же предупредила... Кира.

Я опустила повинную голову и тут увидела лежащий у постели кнут... КНУТ! Мою маму избили кнутом! И у меня сорвало крышу! Вмиг и основательно! Я ощутила ярость, неистовую, дикую ярость!

– Кто? – прорычала я, чувствуя, как в груди что-то рвется. – КТО?!!

– Кира... Киренок... это его право, Кира... это... право воина... Кир...

Мама пыталась сказать и не смогла. А я... я все и так поняла!

Как рванула к постели и схватила кнут, увлажненный кровью самого дорогого мне человека, даже и не вспомню. В тот момент мне уже было все равно, что будет со мной, но я отчетливо знала – эта мразь мне заплатит! За все заплатит!

Из спальни я не выходила – летела на крыльях обуревающей ярости, даже не чувствуя, как по щекам текут слезы. Он стоял там, спиной ко мне и смотрел на стоящего там же Эда. Огромный, черноволосый, смуглый, в черной майке без рукавов и в каких-то татуировках.

Спокойный, даже не боялся ничего!

– Обернись, мразь! – Я даже свой голос не узнавала.

Повернулся! Медленно, величественно. Орлиный профиль, сурово сведенные брови, сжатые губы, суженные от ярости черные глаза. И огромные мускулистые руки... которые избили мою мать.

– Урод! – сообщила я собственному отцу и нанесла первый удар.

Он перехватил кнутовище, без особого труда, но видно было, что даже моя попытка ударить привела его в бешенство, он и дышать начал иначе. Да мне ПЛЕВАТЬ!!! Что его бешенство по сравнению с яростью ребенка, чья мама плачет от боли! И я рванула в бой, по всем правилам мастера Лоджена. Удар по коленной чашечке, и прыжок, позволяющий нам сравняться в росте – удар в кадык.

Раздался хрип! Он отпустил кнут, и в ту же секунду я с оттяжкой нанесла удар по его спине. Ткань прорвалась, ярко-алая полоска со мгновенно выступившей кровью стала живительным бальзамом на мою израненную душу.

– Пантера! – прошипел отец, вырывая кнут из моих рук.

Я сражалась молча! Бросок и двойной удар в лицо.

Он увернулся и попытался схватить меня. Это ты зря! Присесть, увернуться, нанести удар по почкам и, упав, перекатиться, чтобы избежать очередной попытки захвата. Мразь! Он не пытался меня ударить. Только поймать, заставить остановиться – и в этом его главная ошибка! Меня практически невозможно ухватить во время боя – мастер Лоджен постарался. Но вот бросок, огромная рука сжала края мастерки. Рывок – и, прорывая ткань, я освободилась. Вскочила, увернувшись от очередной попытки захвата.

Убью! Просто убью!

И, выхватив эенг, тремя касаниями превратила его в меч.

– Кира! – В этот миг даже голос Эда не мог отвлечь меня от единственной мысли – «Убить!».

Еще три касания – я зафиксировала форму. Теперь эенг представлял собой смертельно опасное оружие. И я не стала раздумывать, прежде чем пустить его в ход.

Замах. Выпад! Звон стали, встретившей другую сталь! Откуда этот выродок выхватил меч, я не знаю, но владел он им виртуозно, и оставалось только порадоваться, что воин лишь отбивает мои попытки вспороть его живот и не атакует сам.

– Хватит! – грозный рык.

Пять касаний – и в моих руках копье. Потому как уже ясно – мечом мне его не достать, руки коротки... в буквальном смысле.

– Кира, прекрати, – попытался вмешаться Эд.

– Сейчас, – не сводя глаз с противника, ответила я. – Убью эту мразь, и прекращу.

– Ки-и-ир, ты его хрен убьешь, – рявкнул Эдвард. – Он с тобой как с ребенком играет! Остановись!

«Там, где ярость затмевает рассудок, прорастает дерево победы твоего врага», – говаривал мастер Лоджен.

И я остановилась, сделала глубокий вдох, потом выдох. Будущий труп, по совместительству являющийся моим отцом, заинтересованно склонил голову, ожидая, что я еще предприму. А я сжала зубы и... семь касаний к эенгу. В следующую секунду моя правая рука сжимала все то же облегченное копье, левая – дагу.

– Ты сдохнешь! – уверенно сказала я.

– И это моя дочь, – с нескрываемой насмешкой произнес тот, кто предположительно меня сотворил.

– Я тебе не дочь, мразь! – тихо, но отчетливо сказала я. – Потому что ты не мужчина! И не воин! Ты жалкий ублюдок, позволивший себе поднять руку на женщину!

Щека индивида дернулась, глаз тоже. Из горла раздался какой-то рокошующий рык.

– Кир-р-ра, иди сюда! – встревоженно потребовал Эд.

Не ко времени! Мой якобы папашка швырнул меч. Тот со звоном упал на пол, в следующую секунду воин тенью бросился на меня.

Так наверняка лавина мчится с высокой горы, неуловимая и неудержимая. Почему-то я решила, что все, мне конец. Где-то на периферии слышался хрип Эда, бросившегося на мою защиту, но я смогла лишь краем зрения уловить, что его отправили в полет, отшвырнув от меня левой рукой, в то время как правая схватила меня за горло, приподняла над полом и впечатала в стену. А дальше движение большим пальцем – и мои руки онемели, выпустив оружие... Звук упавшего трансформированного эенга был похоронным звоном моей попытке убить чудовище.

Или не похоронным... потому как даже в позе «пришпиленной бабочки» у меня имелся нехилый шанс на сопротивление.

– А знаешь, папочка, – прохрипела я, глядя в разъяренные глаза этого могучего воина, – ты кое-что забыл!

Удар по мужскому достоинству запрещен даже в нелегальных боях... но только не тогда, когда речь идет о выживании. И я врезала ему правой ногой со всех своих сил, чтобы знал, урод!

Хрип, казалось бы, непобедимого воина прозвучал сладкой музыкой для моих ушей, после чего отец начал сгибаться от боли, а я, соответственно, сползать по стеночке. Вскоре на полу оказались оба.

– Атом нестабильный, вот это воссоединение семьи! – простонала я, пытаюсь встать.

Руки не слушались. Как он их блокировал, я понятия не имела. Нас такому не учили. И все же я встала, под удивленными взглядами воинов прошла к переговорнику, переступив через скрючившегося на полу Эда, и, нажав нужные кнопки носом, произнесла показавшемуся на экране андроиду:

– Нападение на мирных граждан. Нарушение пункта 994. Требуется переносной гелликс и наряд полиции. Срочно.

В нашем цивилизованном мире с момента вызова и до момента появления полицейских проходит тридцать секунд. И не успела я сползти по стеночке вниз, как наряд железопластиковых андроидов в синей форме уже ворвался в нашу квартиру.

* * *

Первой залатали маму. Трое андроидов после моих воплей «Мама умирает!» прошли в спальню, там же зафиксировали тяжкие телесные повреждения. К сожалению, без их наличия вызов полиции посчитали бы неправомерным.

Через несколько минут совершенно здоровая мамочка выбежала из спальни, подбежала ко мне, порывисто обняла, заметив мою проблему с руками, окликнула андроидов.

– Эд... – простонала я, указывая на своего геройски пострадавшего рыцаря.

Андроиды занялись Эдвардом. Я пока сидела, прикрыв глаза и наслаждаясь тем, что мама гладит по головке, что-то шепчет, успокаивает... А еще я гордилась собой. По-моему, вполне заслуженно.

– Мисс, вы можете встать? – Механический голос андроида вырвал меня из полубессознательного состояния.

– А хрен его знает, – честно сказала я.

– Киран, не ругайся, – воскликнула мама.

– Ничего, мам, – простонала я, поднимаясь. – Вот сейчас его посадят, потом я позлорадствую, и вот затем ты мне расскажешь, как умудрилась в такое чмо влюбиться!

В этот момент «чмо» уже стояло рядом, ничем не выдавая того, что недавно корчилось на полу от боли. Я даже икнула от испуга, увидев его полный ярости взгляд. А потом папаша сказал:

– Женщина, ты плохо воспитала мою дочь!

У меня, правда, все еще руки не двигались, но это не помешало напомнить уроду:

– Ее зовут Киара!

– Имя жены – женщина! – величественно произнес воин.

– Имя придурков – чмо! – парировала я.

Не ответил. Протянул руку и, не успела я отшатнуться, схватил за шею. Нажал вновь большим пальцем... мои конечности тут же обрели возможность двигаться. И я бы даже сказала «спасибо», если бы не он же и устроил мне временный паралич.

Убрав руку, воин хмуро оглядел присутствующих и произнес невероятное:

– Дочь пришла. Мы улетаем.

– Вы уже отлетались, – ехидно протянула я.

В это время как раз андроиды завершили с Эдвардом, а ко мне направился полицейский-защитник.

– Мисс МакВаррас, вызов за номером 887699874. Вызов обоснован наличием тяжелых телесных повреждений. Состояние – устранены. – И я уж насмешливо осклабилась, предполагая, что далее кое-кого арестуют, но робот произнес: – Работа завершена. Доброго дня.

– Э! Стоять! – Я возмущенно смотрела на полицая. – А как же арест? Вы должны арестовать агрессора!

– Нет полномочий, – ровным голосом ответил андроид. – Дело под иристанской юрисдикцией.

Я опешила. Поднимающийся Эдвард простонал:

– Я пытался предупредить, Кир. Ты и твоя мать – граждане Иристана, если конкретно – принадлежите хассарату Айгор, а он, – палец моего рыцаря указал на моего же отца, – власть и закон этого самого Айгора.

Словно подтверждая слова Эда, андроид повторил:

– Работа завершена. Удачного дня.

Обалдеть! Просто ушам своим не верю и...

– Стойте, – простонала я, опять сползая по стеночке вниз, – вы забыли вылечить меня.

– Что с вами, мисс? – участливо спросил робот.

– У меня взрыв мозга! – честно призналась я.

– Взрыв мозга... – послушно повторил андроид и начал обработку данных. – В перечне заболеваний отсутствует. Перехожу к перечню повреждений. Взрыв мозга – отсутствует. Диагноз неясен!

Не знаю насчет диагноза, а я приняла единственно верное решение:

– Бежим! Спасите!

История шестая, генеалогическая

Я сидела рядом с Эдом, мама ушла в спальню, повинувшись взгляду воина. Остальные двенадцать воителей стояли рядом и гневно смотрели... на меня. А андройды сейчас совершали недолгий полет с нашего восьмьдесят седьмого до земли... Отдаленное «бабах» засвидетельствовало тот факт, что их путешествие уже закончилось... Да-да, меня повязали за те доли секунды, которые занял полет вышвырнутых отцом андроидов! Правда, что интересно – меня практически спеленали, а Эдварда не тронули.

Точнее, дело было так – я завопила «Бежим!», обращаясь к Эду и маме, и «Спасите!», обращаясь к андроидам, здраво надеясь, что сверкающий заслон наших органов правопорядка способен сдержать, собственно, полуголых мускулистых варваров, кои умудрились затесаться мне в родственники. Однако папандр, уже значительно взбешенный моими действиями, для начала вышвырнул полицейских, выбив стеклянную стену, ведущую на наш балкон, затем с одного удара уложил Эдварда, попытавшегося меня прикрыть, а после схватил и меня, и маму в буквальном смысле за горло. Маму – осторожно и нежно, меня – ощутимо потрянув. Что примечательно – мы и до лифта добежать не успели! А после маму отпустили, меня связали.

– Подгузник и соску забыл, папочка! – прошипела я в спину великого воина, который, завершив дело со мной, направился к маме.

Эд усмехнулся, остальные хранили неодобрительное молчание. А я в этот момент вспоминала номер Исинхая... мой сейр воины отобрали!

В это время отче подошел к двери спальни, постучал. Что примечательно, он туда не входил. Это удивило. На стук вышла мама, и ей было сказано:

– Женщина, объясни моей дочери то, что она должна знать.

Далее из области невероятного! Мама неожиданно становится на колени, опускает голову и начинает умолять:

– Пожалуйста, я умоляю тебя... забери меня, но Киран... Господин, прошу вас, она не принадлежит к миру Иристана, она не ведает традиций, я умоляю... Я сделаю все, о чем вы попросите, я... Агарн, я на все пойду...

– Женщина! – Резкий, полный гнева окрик.

И вот тогда я отошла от шока, ибо я и поверить не могла, что моя мама... моя гордая мамочка может кого-то умолять, стоя на коленях, и как рывкну:

– Мама, ты нашла, перед кем унижаться! Этот неандерталец доморощенный не способен даже твое имя запомнить, имбецил бракованный!

Отец медленно повернулся.

Под его мрачным взглядом даже Эд вздрогнул, но только не я. Но моего воинственного пыла родственник никак не уменьшил:

– Пару уроков у мастера Лоджена – и я тебя порву, сволочь! – заверила я «родную кровиночку».

Я просто кипела от злости и впервые за всю свою жизнь испытывала желание убить кого-то. Тот факт, что этот кто-то – громила больше двух метров, обросший мускулами и высокомерием, меня ничуть не беспокоил. Эта мразь избила мою маму – все остальное было несущественно!

– Киран, хватит! – Встревоженный голос мамы меня удивил.

Но эффект возымел – я заткнулась. И теперь молча строила планы по убийству собственного отца. И взгляд от него не отрывала – убийственный.

Великий воин подошел, нагнулся, взял за плечо и без усилий поднял.

– Безголовая! – вынес он вердикт и понес меня вслед за мамой.

Так как возможностей к сопротивлению мне не оставили, пришлось использовать единственный доступный способ:

– Эд!

– Останется здесь, – спокойно ответил отец.

Почему-то Эдвард не возражал.

Вот таким нехитрым способом меня внесли в нашу гостевую комнату и осторожно посадили на диван. Руки мне никто не развязывал... ноги тоже. Громилоподобный отец сел рядом, развернувшись вполоборота, и продолжая молчаливое изучение собственной дочери, а мама... мама опустилась на пол, игнорируя оставшиеся кресла и стулья.

– Мама, сядь! – прошипела я.

– Она – недостойна, – тихо сказал воин.

Сижу я, спеленатая на манер червячка, в полуметре от меня эта... мразь обкачанная и совершенно свободная. И что делаю я? Нагло угрожаю.

– Или она сядет, или ты ляжешь! – уверенно заявила я отцу.

Черные глаза пристально следили за малейшим изменением моей позы, но, к счастью, папик осознал, что разговора при таком положении вещей не произойдет.

– Сядь! – приказ-оскорбление, как собаке скомандовал.

Мама не стала возражать, встала, пересела на кресло, придвинулась поближе ко мне. В ее огромных зеленых глазах застыли слезы...

– Объясни ей! – еще один приказ.

Мама вздрогнула, подняла просящий взгляд на отца и вновь взмолилась:

– Я выполнила твое условие, Агарн... Прошу тебя, оставь Киру на Гаэре. Я...

И ледяное:

– Нет!

От его тона даже я вздрогнула, а мамочка и вовсе содрогнулась, сгорбилась как-то и прошептала:

– Если я для тебя хоть что-то значу, оставь Кирюсика... Она другая, она никогда не будет счастлива на Иристане, прошу...

– Хватит, женщина! – властный тон раздраженного варвара. – Ты и моя дочь возвращаетесь в хассарат. Обе.

Я переводила взгляд со своего предположительно отца – гордого, властного, могучего и сильного – на словно сломанную мамочку и никак не могла понять, что происходит. Самое забавное – мой папаша был удивительно красив и мужественен – эдакий великий воин, то есть вот о таком шикарном отце, наверное, каждая девочка мечтает... Мне мой неведомый папашка таким и представлялся в детстве, но вот смотрю на него и никак не могу понять – я его раньше видела или как? И если видела, почему, кроме неприятия, никаких иных эмоций не испытываю... а потом посмотрела на маму и поняла почему – из-за нее. Просто я впервые вижу, как плачет моя всегда гордая и веселая мама. Я впервые видела ее такой подавленной... Мама у меня не простая и не обычная, она как пантера – гордая, прекрасная и свободолюбивая, а тут...

– Мам, – тихо позвала я, – мам, не плачь, выкрутимся, и папика я уберу, правда-правда... Ну мам, ну ты не плакала, даже когда нас камнепадом на Ллоте завалило...

Мама вскидывает голову и бросает на меня испуганный, предупреждающий взгляд – я заткнулась мгновенно. Зато отче решил задать вопрос:

– Что?!

И тогда мама начала говорить:

– Киран, доченька, прости, что не рассказывала... Я хотела, чтобы ты была счастлива вдали от этой проклятой планеты...

– Киара. – Отец не кричал, но тон его голоса стал вдруг угрожающим.

Вроде и не угроза, а до костей пробирает, даже мне жутко стало, а мама так вообще сникла. Сжала руки, судорожно вздохнула и, не глядя на меня, прошептала:

– Я вторая жена хассара Айгора, великого кагана Шатара, воина Агарна, а ты его дочь, Кирюсик.

У меня было ощущение, что мама словно стареет с каждым словом – плечи все ниже, голова опущена, а на колени каплют слезы... Но мамочка все равно продолжала:

– Каган Шатар, он...

– Чморилло! – хрипло завершила я, чувствуя, что прихожу в состояние бешенства и из-за ситуации, и из-за того покорного тона, коим мамуля мне сейчас все пыталась рассказывать. – Короче, ты его жена, да?

Мама кивнула. Вскинула голову, посмотрела на меня предупреждающе, словно молила быть хорошей девочкой. Я постаралась, даже тему про «чморилло» развивать не стала, только попросила:

– Ма-а-ам, не томи. Давай выкладывай все как есть.

– Я так и рассказываю, – тяжелый вздох. – Тебе уже восемнадцать, Киренок, и потому твой отец прибыл, чтобы... По нашим законам каган Шатар может забрать тебя.

Повернув голову, окинула недоверчивым взглядом этого самого кагана Шатара. Тот и вовсе не сводил с меня нехорошего такого, пристального взгляда. Не удержалась, продемонстрировала мужику язык и снова повернулась к мамочке.

– Когда тебе было два годика, началась война, – мама запнулась, явно опуская какие-то «милые» подробности, – каган укрыл свою Единственную и ее дочь среди скал, а мы с тобой покинули Иристан и скрылись на Гиерме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-zvyozdnaya/doch-voina-ili-kadety-ne-sdayutsya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)